

И опять сердился Сергей Николаевич, туля в пыли
сердился за мужиков...

— Ты, что? У тебя под шапкой воробей? Вылез
Барина не уздал? Бунтовать! А? Долой шапку!

Мужики склоняли шапку и уходили, не оглядываясь.

Был на Березинках пастух Емель, из ярославской
Шапочкина на Емеле было с драмами отвратительными, а по ту
сторону цветы пурпурные. Повстречались они; С-рг.й Николаевич
и Емель весело засмеялись:

— Иди ты к такому матери! Нашелся тоже указщик...

Сергей Николаевич изморозил Емель кудаками, пытками, изреком и — ишел гусем домой. Тогда Емель
изохнулся, извягнулся, кинулся вдогонку, взял плетенье
ограды барина хлопушками по-тоинки ножкам, по корытному
мозгу заду — починил заду на лафтах. Емель засмеялся
осенними наиянами на Березинских других пастухах.

Кипела охочая варром в Сергея Николаевича. Был
он нехороши лицом, будто смазанные спагети в запахах, брызги
бабы подарки, складки зубы, а в цаграце ничего. И спас
Сергей Николаевич на птичнике с завалющей скотиной,
молоко спитое, не баба.

РОС КИРИК Чернов — отпрыск Сергея Николаевича, звериные, в птичнике, на конном заводе. Закидывал на
крапивной лесе крючок с хлебом на отцовский птичник.
Хватал хлеб, глупые плюмитрохи, легуши, вагончики
и коровы. Коровы завертывали ей голову назад, тано
виде под куче, к котру, жарили на угольных с деревенскими ребятишками. Он гонялся по парку, лазил по деревьям,
качался на послушных каких-то воронинах, дразнил волов,
тыкал острым, как шило, наконечником на пальце
свист, козлов, лошадок...

Ифан Иванович приходил к матери в больничный календарь
Кирпичи привозили из Березинки, укладывали в ящики, вязали
квасы укладистый нас, Кирпичи присыпали, не вставая, сереброй
«Орешек». Одрихала и папаша, сидел, не вставая, сереброй
под юкою в павловском обниминском кресле, тряс головой,
грязь рузы и нащупывал гладью никому не нужные предметы.
Ифан Иванович по постыдным дням ходил в склеп к матери
Кирпичи и потом проходил задумчиво в поля, стоя на щеках
ханах, срывал и мешал пальцы колосья... Кирпичи любил «Орешек» и не гнездился в его старом дупле. Годы
принесли ему с приятелями Анатолием, с Ветошинами, с Ве-
ковскими, с гуляющими бабами на короткую побывку —
ходили тогда старые половины в доме, повордали плечами, за-
делы, жалобно вышвыкивали зубами хрюши квасороды
и лежали на конном дворе была спасибо-
случка дразнили пробников и не давали в себя. Ночью а боковыми грузили пол первого этажа —
спали там вползали, менялись женшинами —
хотя бы.

И ФАН ИФАНОВИЧ Гук тридцать лет кони
ческие луга испустил с березинским
музыками. Луга были неподные, сухие.
В этом году вдруг Чармы разились на коне.
Зазоры, и поднялась трава на лугах, гуси
по-пояснице. К тому же перегор. Ифан Иванович
не сдал мужикам лугов испустил. На Петров день
катил он по Березинам в город... Ребята гоняли
по деревни и не отвечали отвода. Кучер, гоня
ребят пальцем, слез с козел и отвел отвод с
И тогда ребята закричали из-за изб, из-за
лодки, с дороги:

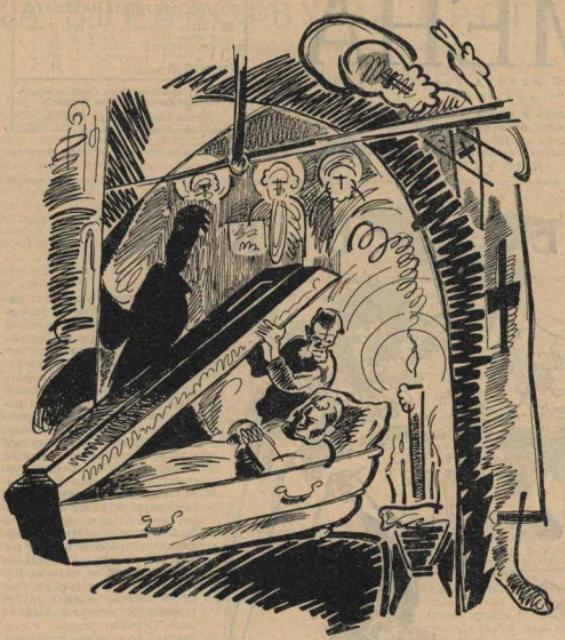
Немец — перец, колбаса,
Купил лошадь без хвоста,
Он поехал, засыпал,
Полны саны нахлестал...

И над головой кучера, над выстrelившими
ушами рассыпалася пылью легкие камни

— Шайт, — прогнувшись Ифан Иванович, ки-
ссы недовольно на ключья дрожавшей бороды кучера.

Рыскал взян... Колиска быстро завертела красные
спинками. Не любил платить налогов Ифан Ивано-
вич и отсыпал урядника на барину. Сергей Николаевич
надевал тут на себя генеральский наряд, кашлял за деревни, двери тихонько
растягивал, и, погодин, показывалася в них
генерал. Афоня вздрогнул, заморил и тянулся
к Николаеву обходясь три раза кругом. Афоня,
грозил пальцем и бормотал грязные и непонятные
словечки. Афоня смотрел в глаза и глядя повер-
тывался за крепким генералом. Афоня, погнув ногой, уходил крепким мармитом вон. На другой
день присыпал им из «Орешек» кролика с крас-
ным бантом на шее и с вышивкой на нем: «Уряд-
нику Фансию».

— Обратно надо в обезд... В деревне шла
то неладно. Не наварзали бы?

... Прокилен шаркал в моленную, захлоптывал барина крышкой с оконичком
и тихим свечу

за дверями. Со страху две жены сбежали после
первой ночи. Были за иконами потайные ходы, или они из коридоров, с лестниц, отводились
иконы в сторону, пропускали и захлоптывали
их иконостасом.

Называла светлая половина дом гостей, облюбовала
бабу и давал знак зернин людям. Встал он около бабы, показывая ей дом, наел. Видел
как ящерицы, пальца. Сергея Николаевича слу-
чал осла с лосью и ждал приплода. Мирна и тихо
жил он, будто никому не мешал и не хотел ме-
шаться. «Орешек» управляла похожий на плюмитроху
с белесыми птичьими клювами немец Ифан Ива-
нович Гук. Ходил Ифан Иванович по гумен-
ным полям, клеверовым, тимофеевским и ведя под
зубом кириний звял. Отпускал он половину
именных доходов на звериц, другую половину
делал с барином и посыпал в Москву Кирину-
сыну Сергея Николаевича.

Приходили и куряжинские часы к Сергею
Николаевичу. Задергалася с полей в парк сосе-
дственных деревень. Их старые годы первые
корыстные пришли на барщину руки, деревни были
господской, с барскими плитами, например. Сергей Николаевич сечал на попа, звали его,
катил поп с дарами собирать барина, а он то-
пал на него ножками и недавил кутый и коло-
кольней. От обиды у попа вываливались все
священные предметы на землю, а поповский скот
выгоняли тем временем на луков и доили и свою поплью. Когда поп говорил к случаю про-
поведи о тощих и тучных коровах, мужики пра-
тили глаза в бороду.

Приезжал в «Орешек» урядник Афоня за налогами. Не любил платить налогов Ифан Ивано-
вич и отсыпал урядника на барину. Сергей Николаевич
надевал тут на себя генеральский наряд, кашлял за деревни, двери тихонько
растягивал, и, погодин, показывалася в них
генерал. Афоня вздрогнул, заморил и тянулся
к Николаеву обходясь три раза кругом. Афоня,
грозил пальцем и бормотал грязные и непонятные
словечки. Афоня смотрел в глаза и глядя повер-
тывался за крепким генералом. Афоня, погнув ногой, уходил крепким мармитом вон. На другой
день присыпал им из «Орешек» кролика с крас-
ным бантом на шее и с вышивкой на нем: «Уряд-
нику Фансию».

— Здорово, команда!

Ревели тогда ослы, не сводя с него ушей и
глаз, мычали лось, грызали железо козы, козлы,

Ифан Ифанович побагровел щеками и шеей.
— Ничего. Об'езд ошень далек. Им надо
пушечки.

Тридцать лет ездил Ифан Ифанович, тридцать лет отходили отвода в Березинках, клянчил, жалел, ждали гостиных приглашений руки: он не глядел и не плакал.

За Верей, от города наскакивали две пыльных тройки. Кучер склонял руки и сунул кашель. Ифан Ифанович заторговывал, недасково и часто мотал головой. Тройки скакали в Орешек. На передней сидел Кирик и держал на руках полную женщины: две других женщины обнимали его с боков. На второй тройке было густо народа: сидели, лежали, стояли. Анатолий стоял и держался за кулачок ямщика.

— На побыньку... недовольно сказал Ифан Ифанович. — Делай безобразий...

— Барин—веселье, — ответил кучер и рванул плетью.

На Березинках ребята услыхали колокольчики троек, встали у отводов, чтобы отводить, глядясь в молотившие ноги лошадей, и, узев орешковского барина, опять затворили отвода. Ребята наспехом глядели на осенние тройки—и не свесились.

— От-по-ря-я! — изрекли ямщики и щелкнули плетью.

Ребята засмеялись.

— Сам отвьори!

Кирик скрутил голову из-за ряжей женщин, достал из кармана горсть серебра и ширвыни в ребят. Серебро разбросало о перекладины отвода, ребята ахнули, захватили на пыльном пуховике дороги денты, отодвинули и побежали в сторону. Тройки ворвались в деревенью...

Ифан Ифанович возвращался ночью из города. На вечеру прошла короткая, бледная, мокрая, грязь и заморозки донесли сущими, лишили тела. Отеческие и Березинские были открыты. Кирин выслушал торопливо прокрахать деревню. На востоке, из-за срубов нового дома, густо и шелено вспыхнули комья земли. Рысак подхинялся и понес. Жирная грязь ударила в лицо Ифана Ифановичу, и белый чесучевый клюстя его пожег. Соломенную шапку будто сдуло ветром и она, перекусываясь в воздухе, вспыхнула в глубокой кальвой луже. На спину кучера, как черные круглые часы, сел ком. Ифан Ифанович низко наклонился, и на загорившую еще раз упала мокрая и сплющенная глинняная вата.

Мужики вышли из-за сруба на дорогу, вынули один шапки из каймы, накиняли на нее, хохоча, грязи и повеселились на отводной столбик. Рысак уединил на отгин в «Орешек». Мужики глядели вслед.

— Не плачь, самово бы выкупать в луже.

— Оскребай теперь банные с толстой шеи! И заволочили, сели у сруба на бревне, закурили. И один грустно, устало сказал:

— Не так, не так надо было, мужики. Вышли они спортиво... и все... Заодно согреть бы по спине слегой.

— Для начальу довольно и так.

— Он это дело не оставил. Цепкой, как смола. Нащупал по-пустому таскать...

— Ково тут таскать: всю деревню?

— Может, узнал.

— Поди ты—ночью узнал. Темно не темно, в роже не видать.

Опять покуривши, повздыхали. В «Орешек» раздался выстрел. Мужики ведогнули.

Гремело эхо в полях, над речкой, над Березинками, слышались вспышки, чтобы упасть и смыть с лица. Потом в «Орешек» что-то долго разорвалось на части—и по дугам из парка вспыхнули разноцветные звезды. «Орешек» выпустил весь белый фасадом, над ним разбили цветной горящий шатер, словно спустили с неба лампады и зажгли на ночь. В середине патра, поближе к земле, плывались яркое белоглазое пламя, и деревья парка казались золотыми. По темному своду мягко и нежно скользили бесцветные огни. Ярко пылали, чем выше, чем дальше, они медленно угасали и стремглав, по отвесу, падали разрознеными слитками. Улетала потухавшая звезда выше других, оставлявшая там, задумчиваясь, пропадала.

Мужики юродными глазами глядели на «Орешек».

— Развлекаются! Люминии! Народ пугают!

В «Орешек» трубили медная труба. Звезды перестали показываться, только где-то в глуби парка зажгли костер. Подгорали сине дымы, и красный свет текучим дыамом кудрявился на колыхавших верхушках. У костра пели. Многими голосами перекатывались веселые песни. А потом затопотали ноги, и точно завертели

на ветру в «крылатках» мельницы, запущенной, захлестали по ногам бабы сафоны со всей округи. В чутком покое всякий звук отдавался лицам, членам отчужденным.

Ифана Ифановича серела на отводном столбике. Грядя полыла по шекам столбика и скатывалась в булькающую лужу. Мужики слушали и глядили на шаплю. И по мере того, как убывала грязь в шапле, шапля шевелилась, будто ежась от ноющей остуды.

— Шапле не место, мужики... — сказали и подумали враз все.

— Дранить некого на свою голову! Надо ее от деревни отнести... От греха подальше...

— Вот еще отнести! Всист и здесе... будто гороховице у отвода...

«Ту-ру-ту-ру-ту-ру», — звенела труба в «Орешек», казалось, что горло трубы входило весь «Орешек» парк, кричало каждое дерево, каждый инстукт, кричал белый дом разами, куполом, флагштоком... Крику трубы мешал долгий, протяжный отчужденный рев осла. И по пыли катились шары смеха.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха, ха-ха!

Мужики сдернули шаплю из отвода, стояли, а потом молча всплыли в поле, отнесли на перешеек через речку и спустили на воду. Течением увлекло завертело, как маленькое колесо, начало окунаться, погружаться, топтись — и белый поплавок скрылся под клоакастыми ивами, поросшими берегов, в бугучные воды.

В «Орешек» лягалась теперь надрывно, безуспешно чей-то ямской голос:

«...я...м...ы...!»

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ Ифан Ифанович призвал чужих косцов из Зазорьи, и началась косьба. В июле стояла сушина, сено подсыпало под косой, — на лугах тесно подились стога, то простояли недолго. Ночью подпаливали в разных местах стога, и они запылали под набатный звон монастырь, логотос, приходов летней масленицы. На пожар побежали: Березиной, Анфалово, Нифеево, Сенниково, и заскакивали на кирпич на колокольню, на крыши, на Троицкие калачи, мерзли на глацах — далеко ли горят, из Прилуцкой с боями ды прискали после пожара два багра и с добродеская бочка.

— Не хотел, жаждою, испусти! — кричали мужики Ифану Ифановичу, молча стоя в синем у парка.

— И добро не свое. Пали синий на бесплатном кару, выжига!

Из парковой каланчи вышел налево Кирик с гостями. И сразу красные кулины стогов заняграли в глазах, зашатались на белых ночных лицах.

— Ка-ак! кра-и-во! — воскликнула Зина, опираясь на руку Ветошина.

— Charmant! — Charmant! — бормотал Кирик и целовал руку Люды.

Володя молчаливо озирал мужиков и застывшего избушку у пешехода Ифана Ифановича. Работники стояли около управляемого с ведрами, с вилами, с топорами — и не двигались.

— К шлагу идите! — крикнул Ифан Ифанович. — Тут и уши клупу! Поджигатель надо найти!

— Не тушите! Это так божественно! Это так удивительно красиво! — пропела Зина.

— Мне надо, и не на-до! — звала выговаривая Кирик, лыня к Люде.

Люда щурнулась на Володьку и тихонько

и осторожно наступала на ногу Кирику. Ворот у башни. Кирик отстегнулся, отвалился на землю, и Люда в первый раз заметила широкую, как стол, смуглую, обожженную летом грудь. Заметила и тонко повела ноздрями, будто тяня от ее тепла и жар. За золотинки усиками преснц проглядала такая зовущая усталая сквижинка желания. Кирик густо, крепко прижал опять к ее руке губы, задержал их, пошевелил и склонил кожицу.

Володька криво дрогнул щекой и сказал разюю Чернову:

— Не жаль тебе... твои сенокосы горят!

Кирик засмелился и небрежно показал рукой на Ифана Ифановича.

— Е-му жалко!

Мужики пересеменялись вблизи и любопытно разглядывали господ. Анатолий ходил селезнем у решетки парка около горничной и пьяно напевал ей:

Я... я люблю пожары... Они возбуждают. Огонь... это кровь... кровь... страсть... Поля, как вы хороши! Откуда вы распивали... в этой... глуши?

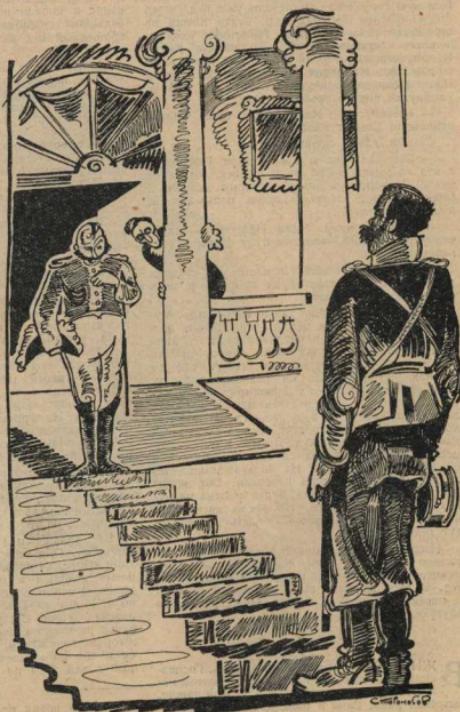
Горничная куталась в платок, закрывала рот и не сходила с Анатолия недоверчивых и восхищенных глаз.

Вышел из парка старый лакей Сергея Николаевича со шлепаками по подсолнечнику заду помочами и перекрестился на полихвостые рябчики новыми головами стоя. Пожал, скорька наскучив господам, и они ловко сдернули с него пахучую калантику. Из паха послышалась смех, кто-то запел, кто-то закричал ау-у-у, а потом зашмыкал лось, прогрохотал осел, и забили на наследство курицы в павильоне.

— Удии поди, — глубоко пробрал один мужик. — Без-за-бо-о-йтые головушкой!

Помирать будахочут!

Понемногу расходились и мужики, усмехаясь на неподвижного, строгого Ифана Ифановича.

...Приезжал в «Орешек» урядник Афоня за налогами

— Гляди не гляди,—шутили мужчины, уходя,—многова не увидишь. Штый, сколько на остатке будет. Обрадел урожаю: вот те шини, не урожай!

Ифан Иванович провожал одним глазом мужиков и не мог его отвести от цветных рубах, другой глаз следил за красной, сухой пыльной над стогами. Зачинался несмелый ветер с Чармы. Он надувал красную пыльну на весь луг. Вдруг, будто красный мех, большой пошней поднялась селедка из земли, прорвавшись из стога, перепнувшись ею кроной налево, на подгнивший стог и окнуло сразу во весь рост красной пылью.

Ифан Иванович забегал тогда у парка, кидаясь на работников.

— Чего стойт! Лошадей! Фы-вози!

Работники бросились на конюшни. Ифан Иванович нетерпеливо ждал, прислушиваясь к топотавшим ногам работников, бежавших по парку. Долго искали ключи, будили конюхов, искали сбрую, гомонили, кричали и ругались. Наконец, в злоречии по деревянным в'ездам на конюшни лошадиные коляпки, заскрипев, второпях затянули конюхов — и на Ифана Ивановича покатились колеса однорядок, лотков, навозниц... Из парка одну за другой гнали лошадей. Ифан Иванович радостно мотал головой и твердил:

— Карапаш! Карапаш!

Сено быстро перекладывали на лошадей и отвозили из подветренной стороны, вырывали из огня занимавшие стога, таскали сено охапками, нестремами, мешками... Вилы бодались на свету с сеном, кололи его, тормозили. Казалось, в стогах засели какие-то враги работников, и они нападали на них. Отбили от огня и навалили большую гору сена. Догревали уже подземным огнем красные бады стогов, будто пластили на стриженой голове луговины. Работники уходили досыпать оставшиеся часы до начала смены. В эту минуту от огня и рассвета поле долго стоял Ифан Иванович и старый лакей. А потом Ифан Иванович вздохнул, подошел к лакею, улыбнулся ему и горько сказал:

— Какое сено! Какой было сено! Спасай немножко! Совсем мало!

Старый лакей прошамкал:

— Бог дал, бог и взял, Ифан Иванович, а кто на чужое добро руку подним, богаче не будет. Музыки, не иначе, искоркнут менути... Обида, вишь... сколько голов подользовались, а именем — ничего!

— И я не пуду Ифан Иванович, — закричал управляющий, — когда я пуду отдавать сено на пополам!

Ифан Иванович вошел в калитку и скрутил двери. Старый лакей берел за них в ночных туфлях и тихо твердил:

— Так-то бы не надо, так-то бы не надо. Мужик терпеливый, как земля, терпеливый, я, я скажу, памятливый... памятливый мужик... Медведь вот зас кольцо водит цыган, носу продел кольцо, под хохзином медведь живет. А долго ли находит? Медведь... он рождается с разницей, да и обеими kostочками у поводыря, как у козара, — приступает. Погоди, идет с цыганом мамо пруда какого... в воду — раз — давай землю крестить в тине. И докрестись — покуда языком не высунешь и покуда пузьрь в том месте не залпнет. Музыки наши маются сенами. Музыканом яй как сено надобно. На воду — выделили, худобину одну музыкан нарекали. Вот злато- и осталось. Сорок лет злато, будто чесната на руках, зудит без памяти. Ни земли настоящей, ни лугов у наших мужиков. Обидеться, осерчать тут недолго.

Несло едкой палениной земли и будто не видимо окружало пар, фыркали осли в зверинце, и лось в тревоге поднимала морду на ветер. В доме закрыли окна с луговой стороны и перекатили кресло Сергея Николаевича на другую половину.

— Не тушите, не тушите! Это так божественно...

В близких и дальних полях верхами интуши³. Не пропускали они ночью ржаные, пшеничные проселки. Музыки ходили большой дорогой, в обход, захватывали горстыми пригородской колос и кидали под ноги. Поля отступали от большака сплошной щетиной желтой соломы, и брошенный под ноги колос прострастил зеленою атавой.

Собрались на помочь березниковские, анфловские, нефедовские, семигорские бабы и девки. К вечеру открылись колючие подступы полей к «Орешку». Будто низко выстригли покатую голову земли и оставили чуб на макушке — Орешковский парк. Позади дома, на конюшни, на тесовых, срубленных с помочи столах, кормили и пили из помочий. С террасы глядела господа на барышни, родовые, голубые, красные бабы плащаницы. И тянулись от столов к террасе, от террасы к столам острые, как с钢и, и чужие паутинки взглядов.

Земля засумерничала. Первый табунок баб плесну сидячими и пототялся на мокрой траве. И будто из травы, из деревьев высыпало сразу ребята с гармоньми, повалили со всех сторон на господский двор, взяли столы в черную петлю, допивали недопитое вино и наливали, примиряясь на плицивших ладах, уюю плясашую в вечерней свежести пласкову. Обобщал последний стакан круг, и гармоньи враз глубоко вздохнули, раскрылая зажатое горло. Дворовая земля забурчала, замотолила, забухала, словно изогнулась под сокруженскими плясами — пестрое изогнулось зарево шумлилось в глазах и будто в будущее — открытым путем, полей, лугов лист — траву — открытыми неубывающими воротах. На террасе ходили в ладощи, и женщины, вздрогнув, поводили плечами, первоначали на полу тоинами ножками, дразнили спящими вечерними глазами хмельевых мужичин.

На наступившей из парка темноте помочае на плацу перешли за ворота, постояли, поторвались, поплескались из стороны в сторону, как огромный члан с водой, — и гармоньи повели в поле, на дороги, на тропки.

Все дальше и глупче были голоса, песни, гармоньи. Они оплетали теперь звенящими сетями «Орешек» спереди, сзади, сбоку. Ифан Иванович подошел к парковой калитке, прокинулся к ней и долго слушал устадью темноту почты. И ему казалось, пела и плакала вся земля новская земля. С террасы доносились звенящие ручьи ромок, бокалов. Ифан Иванович вздохнул и горько сморшился. Он подальше обошел террасу и сел на крылечке у своего флигеля. Старый лакей брел по дорожке мимо и, всматриваясь,

вася, остановился у ступеньки Ифана Ивановича похлопал руку с собой. Старик сел и жалъ Ифан Иванович пододвинулся к нему. Старик наставил ухо.

— Ты чешь что-то сказать?

Старик помедлил и запечатал головой на красневшую террасу.

Урожай пропизон...

Ифан Иванович зашел за ограду замчали. Управляющий закурил трубку. Огонь облизал второе лицо Ифана Ивановича. Седой волос, будто мукой у мельника, извивался щеки его, скомканый, из изжеванный, подбородок и виски покраснели бровей. Старый лакей поклонил головой:

— А много нам, Ифан Иванович, голов обоми вместе... Без молова стча.

Управляющий ничего не сказал, только запустил раз трижды в кашу и вспыхнул. Наконец, из-за террасы хокката пыльца Льда кричал Анатолий. За фигелем мели и широкими деревьями. И был чал сам с собой старый лакей:

— Парк наполовину при че подсаживали, от земли не видят. Какие деревя выросли! А мы че... ле... хе-хе... Горбики у нас высоры.

— Та... та..., — грустно шамкал Ифан Иванович.

На другой день после помочи из-за Шелина мыса дунул холодной ветер и взмыл дымом барометра. На ходошли поля, засеянные на лугах, и встал угрюмый день. На «Орешек» начали топить риги — молоты. По амбарам будто в прикованные к стекам скрома укладывались: скже зерно и зерно проливалось через края на кирпичный пол.

Неверное солнце через неделю выплыло шире из-за Чармы, распахивая колесом. Вздыхли не скатые мужчины поля, изомяли тело сжатые, стражи, и засела редкая, еще в от牵挂 за лето, птица. Деревенский серп наехал к рукам готовый колос. До ползу бабы никою ступни взвинтили землю и отрезали пальцы под ноги. А с ползу на члене голубой вышине сажа отбила и заболе густой чернотой один край. Чернота жадно поползла к квирву, раздилась в бока, упала на Чармы воды. Солнце тужилось и не поддавалось, наряжало в темные складки туч, вылезало в светлые прогалины сияющим золотым блеском, и опять его наскривало плотные ставни облаков. Тучи ворча и сердясь, задергивали непроницаемый колпаки чёрными дымами занавес. И солнце заглохло. А тогда будто развернулся над землей нехватающий дождевой зонт. Чернота вышла из берегов и разлилась повсюду, замахали молнией красными мечами, и вслед нахвалился тяжелой каменной грудью гром и стукнул кулаком о кудак. Загрохотали небесные полы, закачались небесные стены, и черная крыша с треском вперемежку свалилась внутрь. Разязнулась черная сторона — и всплыла из-под земли сажа кружящийся стальной стой. Его двинули с бородой черной наружу — грома он нахлынул вперед сопливой головой и, ступав на землю набухшими ногами, вышел из тут. Тут полоснула молниевая пеща вокруг шеи красным кантом, гром отпустил в затылок, и стопы зашатались, повалился, затрях мыхал, рассыпалась теснин и споры градом.

Град прошел — полей не стало. На поле лежали изломанные долгоногие кузнецинские лоси. Гроза скатилась за Верено, и опять выплыла солнце.

От Березников, от Нефедова, от Семигоры бежали в пыль бабы, мужики, а впереди прыгали по лужам ребята. Бабы стояли на межах и терпели перидниками глаза. Музыки безмолвно поднимали колеса с земли, вытряслись рохь, глаза молчаливыми, затянувшимися глазами из примятые, иззеженные зорзовыми колесами по-лоси. Ребята собирали в картузы кручинный град, сосали его и кидались на перекидку. Музыки долги ходили по полям. Сошлись вместе из самых Березников Анатолий... Нефедов Семигорье и засели грядами на «перегородках», разваливали руки, и, сидя друга в группе и указывали на горевшее под солнцем золотые кусты окон белого дома в «Орешек». Зеленая вымытая юршина дома отливала блестящим шелком, ясно досияла, и ходили по ней серебряным гробом.

В ЖИТВО в «Орешек» была помочь. Господин Борисов, касакий и желтый, на сustom на-возе, на ухобе, на глубокой плутовой пашне, выревал рано. Рано и погнался его с ног. До того загоралась жицна в разных местах. Ифан Иванович об'езжал поля сам. Карабиньи сторожкой

³ В то время помечинки для охраны помещений держали специальные отряды ингушей и казаков.

ШАРЗЕМЛИ

Д М Ф У Р М А Н О В

Рисунок В. ЕФАНОВА

ТОВАРИЩИ, мне, как есть комсомольцу, остается сказать вам одно: про ленуголок, и как мы его готовляли собственной рукой, без всякой помощи.

Комсомольская ячейка должна произвести утром годовщину тов. Ленина своей однократной масой, потому, как самодеятельность младшего поколения—главное дело. И мы наперед давали всем отказ. А бирюзовая ячейка готовила план соответственно действия на траур великого вождя рабочеса.

Книжной литературы под этот раз у нас не оказалось. Книги покупают за деньги. А денег у нас подчистую не было. И красную материю—
книги, цвета, воротнички и перчатки материаль-

кровавый цвет революции, и черный материал с палачами — буржуями, — все это надо достать определенно. Тот же портрет с большой головой тов. Ленина, который есть в центре всего — окружить электролампами электричества.

Известные люди кроят знамена, затем, по знаменам взымаются лодзини, что определенно требует капитала. Не имеющие требуемых сумм капитала, мы его собирали промеж себя, кто сколько положит от личной живости, а все недостатки постановили просить, чтобы было нам добавлено. Отвели, как требуется, комнаты, и что было инструментом—все туда, а братва до них гудят, как шмель.

Портрет имелся у нас большой и готовый, который крепко поставили посередине и обернули подходящие в цвет материи. Но известно, каждому хотелось, чтобы враз показать мировое имя тов. Ленина и как пошло его ученье и как оно в красную ленту кружит шар земли.

Тогда мы перешли строить землю. Обыкновенное дело — из бумаги: каждый лист клели на другой и все их заклеивали kleem, так что вышел чистый шар. И чтобы с разных сторон было видно ученик тов. Ленина — мы достали книги его учения и выписали оттуда самые нужные слова, которые он говорил и которыми получал, что нам делать. И на шар написали разными красками эти слова, которые говорил тов. Ленин. Так, и kleчи мы, да мазали.

настриги разные бумажки, чтобы видно было по шару, куда что идет, и положили на этот шар еще комсомольскую силу, чтобы вышел он величественный, каковую представляла шар земли. Было створено, чтоб шар надуть из-под притиска горячим паром, и оттого, что пар этот очень легкий и легчайший — шар наполнится и будет весь круглый, хотя бы и лететь на воздух по верху.

Закончили свою подгото-
вку за ленинские слова и
какой материал — мы подняли
шар земли от полу и придер-
жали на руках, а под нутро
ему, в самое горлышко про-
пустили прымус, который го-
рел настолько, что прымусом
запах. И теплый пар напра-
вился в клеменовскую бумагу в
сердце к шару земли и стал
надувать словно игрушку.
А бумага клеменова только
потрескивает, но держится, не
падает. Шар надувается все
шире да шире, а что напи-
сано — видно теперь кругом и
насреди этого написанного —
сам Ленин зарисован, большой
портрет в маслянистой краске на
самый центр земли построен
тщедо. Жару внутри шара
поддается, а лицо у Ленина
будто оживает, да смотрит на
нас да и говорит:

— Ишь, ребяташки, как зяплюго горячка накалила.
А мы шаг-то повертываемся, смотрим, все лох-круши вонючие, — пахнет ими племя вонючее, где следует. Что написано да накрашено было, так и рожет со всех сторон — будто оно ученые наше — всему, дескать, миру видно. Эх, приглядывайтесь!..

Пока мы тут шар напузы-
ривали паром—народу кругом ...Шар мы

набежали кучами и все они смотрели, как по- немногу вспыхнуло, как есть, выходило, а затем все пускался и пучил до полного Ленинским и великим его словами надо строить умечки, а не так, на шармака, как вы sogди, сунники! На фанатов надо побольше разуметь и

росту. Мы его зацепили, чтобы облизнуть — потому пар горячий из земли не должен уходить, а он как дулся — да... а... как ухмыльнулся... бах... бах... разорвалась, словно бомба. И вспыхнула, что стоял — прыснуть прочь. Закричали напружились, да бежать по всему селу. А огненный примус занес наше село — и он горел у всех глаз со всеми рисунками написаны, со всеми надписями, какие мы нарисовали, загорелся и садился на землю. Тогда пришли: но мы удерзали и закрыли его — лавочки своих рук — потому он остался как есть опаленный, а весь в целости. И мы натянули сеть «затянули», гневные поизж. а я, вспоминая каждое дело, знало надо на корю. Как было принять меч, если бы пада пускать, когда остановил сделать, где шару горло веревкой захватывать — про это кто знает? Никто не знает. А потому вы бурашки. Надо знать наперед. И тон. Ленин сам учил, как шар земной в обращении надо вязать, а вы, не то, что вязать — склоняли его, обмотывали. И как сказал Никонор сурое слово, стали думать мы, чтобы наново шар замысли заготовить и узнать начисто передком, как дело довести до конца. Полногрудый накаленный газа, чтобы и полны был шар на-настоящему.

бу, от которого пожар остался единик, черный дым и ничего не было в нем, в дыму, не видать простому человеку, только склонялся под ногами, потому что на воде разглаживался отбрыкнутый шар земли и ноги тянуло клем—в самую гранитную сердцу. И опять сбежалась народу и все стояли по первому начальству, потому что жалко было, как под лампой, в амбре с ним, чист несигаретный, а вместе с ним, чист.

— Сожгли землю-то... Протютюкали шар земной...

время молчать никому нельзя, и народ кругом заговорил разным разговором насчет погоревшего: кому жалко, а кому и壑ости нет. Одни, говорят, узлы да зола, пепел, говорят, чистый остался от ихнего земного шара, а коммунахина все погорело...

Как мы выразили эти слова—будто сердце наши высыпало на корень из всех книжок и бросили вон—такой степени яжалось одолела и гнев кипучий завладел нутром. Не могли удержаться по силе, чтобы промолчать на такие подные, общидные слова и промотолти бы голову мы подложу буржую, так изведыв излевад над нашим горем, да тут рядом слесарь Никифор вышел вон на середку:

— Дурдаки,—говорят,—вы сами, ребята, что

А сердце наше зажималось трепетом—тоже верит и будто нет. Каючим мы, каючим отгневными жар и все прищемляю—котла, остановку, лагерь, потому что

да останову дать, потому на перед точко все распознали прицел на минуту имеем:

и от разных сторон надпись великого нашего тов. Ленини сказали, как стрельбы. Тут кругом от радости про-

няло в слезы. Подбегая народу да шарни шар, оглядывая разных сторон, читая слова, которые стояли на книжечке Ленина. А мы для тех, которые на прошлый раз смехнулись,

— Ничего, — говорим, — что лопнул, мы тогда обделать и умели, а Ленина шаг землю никогда пропасти не может, только надо уметь с ним обращаться построить. Надо си-

чала учиться делу, занозил его на сердце и на мозг, а то тыкаться слепому щенку, — знавший, который момент престановить горящий пар отгненного пламени и как единовременно подпускать полным ходом. Потомку и сам тоб. Лени учил нашего брата, что деланузанавивать надо наперед и не

...Шар мы этот подняли на руках, и горячий примусов огонь стал подпускать

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Снимки из архива КИМа

6. Организация общежитий для безработной молодежи. Обеспечивание этих общежитий литературой и играми. Избрание руководителей общежитиями через самих безработных юношей. Бесплатное кормление

они скорее умрут, чем допустят это. Моя последняя слова таковы: троекратное ура за красные земли! Ура!.. Ура!.. Ура!..

Передайте мой горячий привет всем товарищам. Не забывайте, что капиталисты сами боятся друг с другом. Мы хотим, чтоб над нами разверзлось красное земля.

Осталась ваш Рональд Клейвама.

НАША СВЯЗЬ С ЯЧЕЙКОЙ ЗАВ. ЦЕЙС (германский)

(Из опыта ячейки завода «Радио»)

В 1924 г. ячейка завода «Радио» была прокреплена к ячейке завода Цециль гор. Иесса (Германия). Всю первую неделю ячейка проводила в переписке, которая шла рабочим вязью.

Осенью 1925 года в Москву прибыла делегация немецкой рабочей молодежи. В ее составе оказалось и двое ребят из нашей подразделения ячейки.

Рабочие завода «Радио» и вся окраина хорошо помнят торжественный вечер, устроенный нашей комсомольской ячейкой по случаю приезда дорогих гостей. Театр близ завода, где проходило торжественное собрание, был полон народом.

На этом вечере мы преподнесли нашей письменной ячейке знамя. Это самое знамя, как писалось в «Ленинградской Правде», ворвалось в германскую ячейку «столицы коммунистической пропаганды».

Заводской комитет наш преподнес превосходно выпущенный номер стенной газеты, посвященный приезду немецких товарищей.

Вот на этом вечере и был заложен фундамент нашей смычки.

Со времени этого вечера прошли 8 месяцев. Немецкие комсомольцы присыпали и присыпают нам всевозможнейшие материалы о своей жизни, работе и борьбе.

День Красного Фронта, кампания плиссации, разные кампании местного характера—обо всем этом мы всегда подробно бываем осведомлены из тех материалов, которыми нас усердно снабжают немецкие ребята.

ВВЕРХУ: ДЕЛЕГАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ на вокзале в Москве.

ВНИЗУ: ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ рабочей молодежи на одном из полустанков во время поездки по СССР

Донбасс. Стальино.

Берлин, 14-го июля 1926 г.

Дорогой товарищ, Поля Хавин!

Я Из этого письма узнала о тяжелой болезни твоего отца. Я, не зная его, желаю ему скромного выздоровления. В Германии также рабочие болеют паратаксими болезнями (частота). В то время, когда у вас легочно больно, направляют в санатории, у нас такие обречены на гибель.

Из политических фактов нужно отметить все более острые налеты реакции на рабочих. Особенно ярко это выявилось во время кампаний аненародное голосование. Результаты, давшие 14% избирателей голоса за безвозмездную конфискацию, были опровергнуты известиями из западной печати. В работе по проведению аненародного голосования активно работал и наш комсомол. Поэтому мне хочется и написать тебе что-нибудь о нашем борении в Берлине.

В последние дни недели до плебисцита началась самая работа. Во внешней пропаганде комсомол особенно выделялся. Мы наняли лодыши, телегу и несколько грузовиков и разъезжали на них по городу с большими плакатами. На углу одной улицы находилась самодельная башня, в которую можно было бросать для «толодящегося» Вильгельма старую, бесценную, инкрустированную марку и из которой постоянно доносился вопрос: «Ты еще не голосовал?» Голосование в Третьем избирательном округе прошло в Шенеберге разъезжая женщина аненародница-принцесса Цепилла, колхозница и двумя украинскими вазами. Из них одна два националиста, привязанные веревкой. Другие районы организовывали пропагандистские отряды, которые ходили по рабочим дворам и демонстрировали за безвозмездную конфискацию имущества князей. И в демонстрациях выделялся комсомол. Большая часть берлинской организации носила единую одежду, кожаные куртки и синие шапки и они ходили замкнутыми отрядами.

Экономическое положение все ухудшается. Уже месяц в Германии налицо массовая безработица. Информа: безработных, получающих пособие, превышает 2 миллиона.

ЦК КСМГ выпустил воззвание со следующими требованиями:

1. Выплата безработной молодежи и до 18 лет пособия. Пока пособие молодежи и до 18 лет не будет выплачиваться государством, его необходимо выплачивать из средств общества благотворительности.
2. Немедленно повысить ставку пособия для молодежи до 10 марок в неделю (5 рублей).
3. Решительно бороться против всех мероприятий правительства для снижения ставок пособий и особенно против урегулирования его тарифной сетки.
4. Отказаться от всяких принудительных работ, а также и от трудиной повинности.
5. Запрещение немецкого увольнения обученной молодежи. Хозяин обязан, по крайней мере, полгода содержать обученного им рабочего по ставке квалифицированного рабочего.

1) Всебобщего голосования.

безработной молодежи. Бесплатное пользование ее транспортными средствами.

Для ознакомления наших союзов и для первовыборки новых членов союза проводят кампанию по вовлечению рабочей молодежи. Эта кампания продолжается с 4-го по 18-е июля. Во всех районах и во всех организациях, а равно и в местных группах сейчас проводится широкая работа по вовлечению молодежи. Наша цель—заново создать новых членов для нашей организации. О ходе кампании я вам напишу позже.

Один результат можно уже отметить: берлинская организация завоевала за время кампании 200 новых членов. Число наших членов в общегерманском масштабе также выросло. Во время, когда мы в Берлине насчитывали только 19,000 членов, сейчас у нас уже свыше 21,000 членов. Правда, мы не можем отнести такие же достижения, как и вы, но нужно учиться обстановку у нас в Германии.

Пиши мне, пожалуйста, скорее о работе вашей организации.

Жду ответа.

Жму руку.

С комм. приветом. Ганс Киферт.

ЮЖНАЯ АФРИКА

Иоганнесбург
26 V - 1926 г.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ, КАЛМИКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ!

Хочу рассказать вам в этих немногих строках о том, как у нас капиталисты относятся к пролетариату. Наш туземный пролетариат находится в настоящем рабском положении. Рабочие наименее капиталистами и посыпаются работать в шахты за 10 марок в м-ч. При этом они привозятся работать в мясоцес. Они выходят из этих шахт совершенно истощенными. В этих шахтах работают налегке. В случае смерти рабочего, его семья никем не обеспечивается. Она подвергается всем ужасам голода и смерти. Нас угрожают две крупнейших капиталистических организаций Южной Африки, а именно: Горнол. Патара и Сортен Ноусе. Мы сделали первые шаги к организации рабочих различных национальностей. Покажите у нас существуют две организации: коммунистическая партия и профсоюзы (см. И).

Эти организации работают совместно. В этом году южно-африканское правительство ничего не сделало для местных рабочих, кроме того, что издало 3 плохих закона: закон о мелкой администрации и закон о цветных рабочих. Зните ли вы, чего хотят капиталисты добиться этими законами? Они хотят заставить всех местных рабочих выйти из компартии. Но это им не удастся. Рабочие говорят, что

ВСТРЕЧА ДЕЛЕГАЦИИ немецкой рабочей молодежи с калмыкским комсомольцами. На знамени надпись: «Ленинская коммунистическая молодежь приветствует иностранную рабочую делегацию!»

На днях через одного из прехавших в Москву немецких делегатов нам была передана карточка очень ценных инструментов. Это все точные измерительные приборы штагеля, микрометры и т. п. инструменты, также некоторые каждому металлическим ящиком и нашему заводу в частности.

Немецкие товарищи пишут, что на 9-ю годовщину Октября они нам готовят такой подарок, что мы ихнем.

Наша ячейка ВЛКСМ тоже не остается в долгу. Чем богаты, тем и рады. Мы послали своим подшефным изделия нашего завода—радиоаппаратуру и некоторые работы научной бригады. И. Зорюхович.

ИЗ АВСТРИИ И В АВСТРИЮ

Снимки из архива
КИМа

(ВОСПОМИНАНИЯ Г. и Ш.).

Едут жить учиться
К нам из-за границы;
Мы встречаем радостно,
Привет гостям!

* * *

К нам радушины тоже:
Нашей молодежи
Ренское правительство
Не дало выхода.
(Из комсомольской песни, надзываемой
к МЮД'ю)

этом расскажут тебе по возвращении из СССР делегаты нашей молодежи. Тогда узнаешь, как самому бороться за лучшее будущее.

Повсюду по предприятиям и в школах проводятся собрания. Молодежь жаждо ловит каждое слово о предстоящей поездке и ее целях. Всех интересует таинственный и далекий и в то же время такой привлекательный СССР.

Выборы закончены.

На днях отъезд. Новые страхи. Пошли слухи о том, что полиция собирается помешать поездке, непустить делегацию за пределы Австрии.

И поэтому сразу облегченно вздохнула молодежь, и посыпались весьма нелестные шутки по адресу австрийских шпионов, когда в последние числах августа по городу и в революционной печати неожиданно появилось сообщение:

«Вниманию молодежи!

Вниманию полиции!

Доводим до сведения полиции и рабочей молодежи, что сегодня нет нужды собираться на Западном вокзале для проводов делегации, ввиду того, что она уже 3 дня назад уехала и сейчас на верное находится на территории СССР. А потому просьба к г.г. сыщикам и полицейским не беспокоиться и принять наши извинения перед ними за неточность предварительных сведений.

Комитет по посылке делегации в СССР».

* * *

ПРОШЛО полтора месяца. Вновь

шумят молодые пролетарии. Вены, вновь ожила мрачные мастерские и цеха. На днях дол-

В РАЗГОРОРАХ С РАБОЧИМИ: Члены делегации «чеси» из рабочей молодежи на промыслах Азнефти в Баку

жны вернуться из СССР представители австрийского рабочего молодняка. Усиленно готовятся ребята к встрече своих делегатов; все с нетерпением ждут их приезда; все жаждут скорей узнать от них слово правды о СССР.

Зашевелилась и полиция. Наученная горьким опытом, она твердо решила не прозевать предстоящего приезда делегатов.

ФРАНЦУЗСКИЕ ДЕЛЕГАТЫ рассматривают муку у крестьян во время посещения одной из деревень Волоколамского уезда Московской губернии

РОВНО год тому назад среди рабочей молодежи Вены и других австрийских промышленных центров царило сожаление. Внешне все как будто было спокойно. Работа шла погрязнему, по старому ругались мастера и исподтишка посыпали им про克莱я молодые рабочие. Но внимательный наблюдатель заметил бы и еще кое-что другое: чаще, чем обыкновенно, пользовалась молодежью минутной отлучкой мастера, чтобы, собравшись у одного из стакнов, начать о чём-то оживленно шептаться; при выходе из предприятий по окончании работы группами останавливались молодые рабочие и ученики, беседуя о каком-то весьма интересующем их вопросе!

И не даром, несмотря на поздний час, расходились по домам закончившие работу молодые пролетарии.

Рабочая молодежь СССР пригласила к себе делегацию австрийской рабочей молодежи.

Вскоре выборы делегатов. Но всездущие полицейские иниции уже пронюхали о предстоящих собраниях. Буржуазная и социал-демократическая пресса забила тревогу.

Подготовка делегации продолжалась, однако, погрязнему. Теперь уже открыто кричали о поездке заборы и стены, обклеенные возвываниями, листовками, плакатами.

«В 7 часов общезаводское собрание молодежи. Повестка дня: выборы делегата в СССР».

«Как добились в СССР 4-х и 6-часового рабочего дня для подростков? Об

СЛЕВА: ВСТРЕЧА ДВУХ ТОВАРИЩЕЙ ПО ПРОИЗВОДСТВУ. Рабочий котельщик из французской делегации рабочей молодежи и старик-котельщик — один из заводов Южного Урала.

СПРАВА: ДЕНЬ КРАСНЫХ ФРONTОВИКОВ В БЕРЛИНЕ. Прохождение знамен

7 часов вечера. Толпы молодых рабочих направляются к Франц-Иосифскому вокзалу Вены. Идут споры—приедет ли делегация. Все принарядились, прияли торжественный вид.

А полиция недоумевает: хорошо известно ей, что в эти часы на Франц-Иосифский вокзал не прибывает ни одного поезда. Верные блюстители закона и порядка думают, что про��ают молокососы хотят просто заставить полицейских побегать и погорчиться.

Полиция не ошиблась. Да, молодежь опять надула шпиков.

На другом из вокзалов Вены по платформе в ожидании Берлинского поезда спокойно рассаживают три парня. Они кого-то ждут, наверно, родных или друзей.

Пришел поезд. Группа молодых рабочих выходит из поезда, и горячо поздравившись с тремя ожидавшими, вместе покидают вокзал и садятся на автомобили.

«Куда?»—На Франц-Иосифский вокзал.

Молодые австрийские делегаты вернулись из ССР и спешат поскорее поделиться своими впечатлениями с нетерпеливо ожидающими их на Франц-Иосифском вокзале товарищами и сверстниками.

Между тем толпа молодежи у Франц-Иосифского вокзала росла, привлечь оркестры, колонны со знаменами. Дежурный по вокзалу полицейский офицер забегал, засуетился, бросился к телефону просить подкреплений.

А вскоре раздавшиеся крики: «Делегации! Делегации! Едут!»—свеже вывели его из равновесия.

Митинг начался. Громкими приветственными криками встретила рабочая молодежь Вены своих вернувшихся из-

браников. Появились горячие, страстные речи делегатов, проникнутые глубоким революционным духом, полные неизгладимых впечатлений о Советском Союзе.

Митинг закончен. Гремит «Интернационал». Собравшиеся стоят в колонны, которые вместе с делегатами вернуться в свои районы.

Но полиция не дремлет. Она успела отрапортировать от первой неожиданности и хочет отстомить за свою постыдное поражение.

С обнаженными шашками и резиновыми палками набросились полицейские на демонстрацию, чтобы разогнать ее. Внезапное нападение расстроило ряды демонстрантов. Одна-две минуты смятения. Но вот звучат спокойные громкие голоса руководителей, и вновь смыкаются колонны, чтобы продолжать свой путь. Полиция не сдается. Она стягивает подкрепления и, наконец, минут через 15 ей все же удается рассеять демонстрацию и арестовать нескольких наших товарищей. Так было в Австрии.

II

И НЕУДИВИТЕЛЬНО, что именно австрийская рабочая молодежь, первая пославшая свою делегацию в ССР, устами своего всесоюзного конгресса послала приглашение рабочей молодежи ССР делегировать своих представителей в Австрию.

Горячо откликнулась рабочая молодежь нашего Союза на приглашение своих зарубежных братьев. По всей стране развернулась широкая кампания,—конференции, выборы, сборы денег на проезд делегатов.

И вдруг... снегом на голову обрушился отказ австрийского правительства допустить делегацию.

Негодование охватило молодежь ССР. По всем городам начались митинги и монстрации.

Телеграммами и письмами засыпало ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, руководство посыпало делегации. Требовали насильственной борьбы за отмену запрещения.

Не менее сильно поднялась волна протеста и среди пролетариев Австрии.

Первый митинг протesta в Вене брал 3,000 человек. И все комомы с.д., беспартийные выразили свое и мучение слушавшимся.

Посыдались делегации в советистов. А там отмалчивались, не дав никакого определенного ответа:

«Неудобно, знаете; и так Вену называют революционным центром, а разрешим приезд делегации, что же скажут других странах?»

Обратились к социал-демократам, гущееннейшей организации Австрии. Однако эти «представители» пролетариата отпустили еще поднее, чем правоохранительство.

Исподтишка, потихоньку расpusкали они всякие нелепые слухи о ССР и делегации, открыто саботировали кампаза за отмену запрещения.

Еще окончательно неизвестно — отпустили австрийское правительство свое прещение, удастся ли делегатам молодых рабочих ССР лично рассказать австрийской молодежи о своих достижениях.

Но и то, что было уже до сих пор, и просто говорят о тех крепких, нерывных братских узах, которые через границы и расстояния связали рабочую молодежь обеих стран, вопреки воле социал-демократии, несмотря на отказ австрийского правительства.

МИРОВОЙ КОМСОМОЛ

ВИНО ДАВЯТ

Е. ЯРОВАЯ

емкие арбы—липкие, усталые и веселые работники возвращаются домой.

На другое утро—новая работа: все, что сняли—клади в рогожку под солнце «вялить».

Тут нужны прежде всего ноги,—ноги, что бревна. На это нет лучше «матерого» казака, в косую сажень в плечах, пудов этак на 5, на б весом. Такой надавлив. И они давят голыми, начисто вымытыми (паренными) босыми ногами—огромные, грузные, как медведи, уминая целые дни по-лупудовые мешки в огромных чанах.

Хлюпает, чмокаст, густой зелено-вато-рыжий сок, пахнущий сырью зеленью и виноградом. Хрустит тонкая кожура, поскрипывает чаны.

Никого в винник уже не пускают; «блея» строго бледят, чтоб никто не шмыгнул куда не надо, ибо такова пропись: «с того времени, когда давить начали и пока сусло не выбирдило, чужой только «глагазить» может». И давильщики работают одинично, выпивая целые ведра доброго холодного квасу.

Первая пара мешков выдавлена. На дне чана—сусло: теплее, пряное, сладкое. Пить его никому не приходит в голову, и противно, да и слабит здоровью. Кожуру сбрасывают в соседний чан, кладут новые мешки; сусло сначала спускают в плоские корыта—«яржки»—и сливают в чан с кожурой. И так до тех пор, пока все чаны не будут полны.

«Чтобы на четверть до краю недоставало»—таково твердое правило: наливай чанов—и его крепко держатся, никогда не спрашивая, почему на четверть, а не на парцишина.

Еще один день—и начинается новое брожение.

«Пых-пых» пробивается газ из-под слоя кожуры, который плавает на сусле.

ВВЕРХУ — НАШ СЫРЬЕ: на всем юге СССР — в Крыму и на Кавказе — широко распространено виноградное, и виноградники занимают большие площади

ВНИЗУ — СОСУД ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ВИНА, в виде гигантской амфоры, употребляемый горумами-виноделами в Кахетии. Он заменяет там дубовые бочки

ПОЛОВИНА сентября. «Винник» — большой сарай с огромными подиумами, окнами в целую стену сарая, где будут «давить вино», снова ожил. Зашумел, налился «бабыми голосами», загрохал чанами, застучал бревнами. Его проверяют, готовят «к вину».

А виноград—черный, белый, розовый—яркими пятнами уже вились на рогожках среди двора. Еще два-три завещанных дедами дня «на вязку»—и давят.

Иначе будет поздно. Иначе ведро вина выдашви только с $1\frac{1}{2}$ пудов винограда, а не с одного. И казаки Цимлянского спешат, в хлопотах целые дни: то за промывкой огромных чанов, их парят «веником», то за установкой бревен—на них поставят чаны (чтоб на земле не стояли и вино не стыло).

На все нужны руки, а мужчины все в поле, все по горло заняты хлебами. И бабы царство «форудят во-всю»...

Уже с 12-ти для начиняется выход на виноградники за станицей. Идут на работу и в праздничный день все—и старый и малый. Виноград послеп. Перестоять ему нельзя—усыхнет. Ягоды налита так, что вот-вот лопнет. Кисти гнут лозы чуть не до земли.

И все, кто только «гож» на эту работу, все снаряжаются ведерками для складывания срезанных кистей, острыми ножами для срезывания листьев; арбы нагружаются «сопеками»—корзинами с широким дном и узким отверстием сверху—и тянутся за станицу «на виноградники».

Работают все—от малого до старого. Но молодежь «на особом положении», ведь, в винограднике, что в лесу—кто там что увидит? И старики не очень ценят этих «сотрудников», для порядка только покрикивали, чтоб «не отлынивали».

Уборка винограда идет в этот день еще под смех, шутки и воркотню до самого вечера. Только тогда, когда пальцы облипнут сладким соком до того, что их не разведешь, только тогда, когда «сопеки» до верха набиты и погружены на

Почему отчего, для чего вялить—этого вам никто не скажет. «Так водится: так делали отцы и деды и нам велели: вялья, пока стебель не привянет». На это уходит всего два-три дня. Ее делают у же одни женщины, не спеша и всерьез. Мужчины «по хлебу», женщины «у вина».

НАКОНЕЦ стебель провял. Сморщился толстый кончик, обрезанный острым ножом; чуть-чуть усохла сочная, сладкая ягода; закурилась прямым ароматом подлинной спелости черная, красная, зеленая («кошками запахла»). Пора давить...

Чаны уже готовы. Стоят на бревнах. В чаны поставлены на дно вторые днища, продырявленные, как решето. Исправлены краны, выпарены стеки. Ни запаха гнили, ни острого запаха свежей клепки в чанах давно нет и следа. Иначе вино пропало: капризное, оно всякий дух «принимает». И чаны парят до чиста, до конца свежим веником. Виноград, нагруженный в мешки по 20 фунтов каждый, кладется в чистые чаны по 2 мешка в каждый—не больше и не меньше.

Потом давить.

Это единственное, чего женщины не делают «у вина». Это—мужская работа.

ОБЩИЙ ВИД БРОДИЛЬНИ, в больших чанах которой молодое сусло, т.-е. выжатый виноградный сок—начинает бродить и обращается в молодое вино. На этом снимке изображена бродильная на огнемощной винодельческой станции одной из станиц Северного Кавказа

Косточки («дробь») и ветки, всплывшие на верх, когда сусло с кожурой перемешивали длинными венчиками, уже убраны салами и съедены свиньями.

Кожура совсем чистая — становится шапкой над бродящим суслом. Пахнет спиртом и вином. Над чаном вздохнуть трудно.

Но надо не упустить времени. Если шапка (слой кожуры) надолго опустится на дно — вино пропало. Вино надо спасать, как только шапка начнет опускаться и покроется тонким слоем молодого вина. За этим надо следить — и для этой минуты встают даже по ночам, пока вино еще не спущено.

Самый страшный — это 11-й день. Если упустить его — все пропало. И когда на дворе случайно заходишь, когда на ходу сусло «ленивое» бродит, его подогревают.

Подогревают так же, как это делалось в каменном веке: накаляют на огне често вымытые кирпичи и ровно по две штуки: — не больше и не меньше — просуют в чан. Мешать сусло с кожурой можно только один день; на «сугрев» требуется два кирпича — таково старое правило. Почему? — «Это не наши заведено, не нами кончается»...

Через два-три дня молодое вино начинают переливать из чана в чан для отстоя. Переливают месяцами. К декабря юру переливают уже в бочки, а в апреле в бутылки.

Готовое вино еще слабо, мало ароматично и цена ему 50 коп. бутылка. Оно уже играет, как шампанское, но пьют его нехотя — слабо. Только через год оно приобретает цену, настоящее Чимикское, которое не уступает шампанскому — это только 3—5-летнее.

Оно крепко, сладко, ароматно. С бутылки — голова свежа, а ноги ни шагу. Пряный вкус его не всем нравится. Для таких привередников готовят вино полегче, «соковое». Его давят из ягод, оборванных с веточки.

Если хотят вино посушше и покрепче, его давят из вяленого винограда, после 5—6 дней вяления.

Оно крепче, но зато и дороже.

Женщины, впрочем, на Дону больше любят «водянку». Это тоже вино, но делается оно только из «выжимок», то есть из кожуры, которая остается на дне чана после брожения сусла.

Спешите возобновить подписку на „СМЕНУ“ ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц	— 40 к.
» 4 мес. (до конца года)	1 р. 55 к.

Их просто доливают чистою водою, и через 2—3 дня «водянка» готова — сладкая, игристая, сладкая, ароматная, легкая, как квасок, незаменимая для людей непьющих.

* * *

ТАК ДАВЯТ вино на Дону. Почти так же давят его на Кавказе, в Крыму, в Молдавской республике. Давят, конечно, только крестьяне и казаки.

Вино это — прекрасного качества, но представляет собою только сырье. Никаким требованиям рынка оно не удовлетворяет, так как быстро портится и не выдерживает, за малыми исключениями, долгого хранения.

Его еще нужно переработать, выдержать, нередко уничтожить еще остатки кислот, губительных для вина. Но все это доступно не кустарной домашней тех-

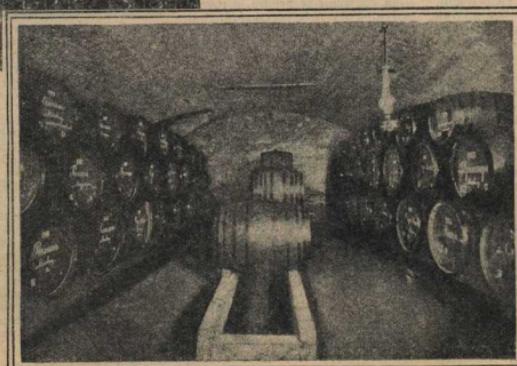
нике крестьянина и казака, а только высоко развитой промышленности.

Вся эта необходимая переработка и делается в погребах Винторга и других господствий по переработке и продаже вина, которые создают теперь продукт, не только не уступающий заграниценному, но нередко и превосходящий его по качеству. Виноделие и виноградство на всем юге — от Молдавии до Кавказа и Туркестана — важная статья народного дохода, и Советское правительство широко его поддерживает.

ВВЕРХУ — ВИНОГРАДНИКИ В ГЛЕНДЖИКЕ (Черноморское побережье Караказа). Этот очень типичный снимок хорошо передает ежедневный вид виноградника с длинными рядами лоз, поддерживаемых колышками

ВНИЗУ — ВНУТРЕННОСТЬ ПОДВАЛА, в котором вина выдерживаются годами. Прежде, чем наполовину вино будет разлито в бутылки и выпущено на рынок, оно должно пролежать в подвале от 3 до 5 лет

подвал НКЗ Дагестана

В О К Р У Г П И С Е М К О М С О М О Л О К

«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
НИНЬИ ВЕЛЬ»

НИНЬИ ВЕЛЬ получено письмо, в котором ее корреспондент, всецело соглашаясь с ее взглядами, старался придать им конкретное жизненное значение.

Андрей корреспондент—уже пожилой товарищ, много испытавший и сильно занятившийся так называемым «женским вопросом». Тем более интересно услышать мнение старшего, поклевавшего принять участие в тех спорах и сомнениях, которым столь волнующи и остры в среде молодежи.

Вот выдержки из этого письма, любезно предоставленного нам Ниной Вель:

«Современная эксплуатируемость «женского класса»,—как условно выражается упомянутый товарищ (и в то же время господствующее положение, «мужского класса»)—создают следующие три фактора:

1) Вся эта работа падает на семью на женщину.

2) Рожают женщины.

3) Вся тяжесть выхаживания детей падает на женщину.

Из этих трех факторов неустраним только второй, но при устранении двух остальных факторов (при урегулировании его самого) он утратит все свое теплешнее отрицательное значение».

Первый фактор устраивается—в этом корреспондент Нини всемело присоединяется к ее мысли—раздельной жизнью; однако он находит нужным уточнить и разъяснить эти положения:

«Чтобы уточнить, что для «женской таковой раздельной жизни нужна не вся жизнь, а только до тех пор, а) пока семья не убогут в том, что «они могут жить и бороть друг друга» (автор письма настаивает на необходимости не только любви, но и умения любить, и употребляет выражение Ницше: «Мы либо и друг у друга, посмотрим—можем ли мы любить друг друга», и б) пока они не убогут в уважении друг к другу, во взаимном понимании вкусов, потребностей и привычек другого и в умении не быть другому в тягости».

Таким образом, «женская жизнь» принимается в виде «разделенной предсторожности» и затем переходит при благоприятном развитии отношений в единный синтез семьи новой формации.

Третий фактор, наиболее закрепляющий женщины—выхаживание детей—должен быть облегчен, по мнению корреспондента Нини, и это его новое практическое предложение—«координация женщиными выхаживания своих детей».

Вопрос этот особенно важен потому, что «пока наше становящееся на ноги государство не в состоянии исперечивать разрешить его социальными воспитанием», а также и потому, что, тем самым, «материнский» образ счастья, «личные»—необходимо для женщины, не разыгрываются в духе русской погоды превращаются для нее в экзальтацию кормления, нянчения, воспитания собственных детей».

Кооперирование 10-ти женщин, сверстниц по беременности и родам, для совместного выхаживания своих детей, кажется автору письма к Нини не делом вполне доступным, хотя и требующим, по его исчислению, расходов не менее 7-ти тысяч руб. в год. Сюда входят расходы: по найму или новой постройке помещений, на приобретение автомобиля для развозки детей к материалам для кормления, на содержание шофера и 3-х яицницы, на горючее для одежды и пище детей, а также на погашение процентов ссуды, которая, несомненно, должна быть предоставлена кредитной организацией. Все это составляет на долю каждой матери расход в 60 рублей в месяц (30 от нее лично и 30, предполагается, от отца ребенка).

Видите, какого конкретного и в сущности необходимого дополнения потребовала теория о раздельной жизни, и нельзя не отметить того, что это не случайность. Еще в планах Нини Вель сказала легкость, с которой она справлялась с поставленными вопросами, стояло только преодолеть «раздельность», как все казалось разрешенным. Чувствовалось, что только наложенный и устроенный ложный уклад мог дать такую свободу разуму.

Уже в дружественном корреспонденте в его попытках конкретизировать теорию Вель еще арче обнаруживается, что любить по предложенному плану могут зрелые, культурные, рассудительные, нормально обеспеченные люди.

Почти нет сомнений, что теория Нини Вель и ее корреспондент выражает настроения лю-

дей интеллигентных профессий. Чувствуется, что их предложение наиболее близки и доступны культурным одинаковым, обладающим неплохим минимумом обеспеченности и способным выслушивать каждую деталь, прежде чем сделать тот или другой шаг.

Нарисованные ими перспективы безупречны по своей размеренности (может быть и умеренности) и «эмоций вместе с тем» их, но достаточно ли, приемлемы ли они для широких масс молодежи?

По крайней мере, методы их рассуждений как-то вообще не общещены, как-то узко личны или кастарны. Выходит так, что если Нине Вель (или, какому-либо ее последователю) удастся устроиться, как-то она загадывает, то этим дело и ограничивается. Личное счастье обеспечено.

Наше мнение сводится к тому, что для «личного счастья» каждый безотносительно—холост ли он, женат ли, счастлив или нет—должен чувствовать себя счастливым, защищенным, иметь право на любовь, на помощь, на помощь и энергию во все стороны, способствующую пройти дорогу новому быту в этой семье (будь ли то кооперирование, будь ли то организация по общежитиям, будь ли то добровольное содействие детским домам, яслям и пр.).

А направление этой деятельности должно склоняться к обобществлению выхаживания детей, обобществлению семейно-кухонных процессов и пр. Об этом, кажется, не приходится спорить. А будет ли это совместная или раздельная жизнь,—это все отвлеченные рассуждения. Одно ясно, что мы должны сопротивляться усилиям коммерческой, промышленной, финансовой, политической, научной, военной и прочих групп подчинить себе «слабаков» т. е. женщин! И горе покорежденным. На женщина падет техническая, черная рабочая на дому; в среде партийцев, комсомольцев, беспартийных—равно. А если при этом она попадет и в долговую зависимость от мужчин, песенка ее споет: «Совместная жизнь в наших условиях (обенно в бедности) искривляет и бедит человеческие отношения...»

«Именно раздельная жизнь создает подлинное равноправие сторон...»

Все это удивительно верно, но летят впереди, как только появляется на свет идет ясней.

Да и раздельная жизнь может быть осуществлена только при хороших столовых, прачечных и т. п. общественных учреждениях, которые будут у нас только через несколько лет.

Я лично хочу указать еще на одну светлую сторону этого проклятого вопроса. Я хочу указать на кой-какие каменки, на которые же должны обратить особое внимание.

Эти коммуны рабочей молодежи.

Вопрос о взаимоотношениях мужчин и женщин может и должен разрешаться, и пониматься разрешается, в коммунах молодежи.

Коммуны молодежи еще слишком молоды, чтобы о них делать какие-нибудь заключения, и все говорят за то, что в коммуне могут уиться и жить, и любить, любящие друг друга девушки и парни.

На мой вопрос, каким образом один коммунщик строится вами взаимоотношения с девушками и как вы думаете поступить с женитьбой?, он ответил: «мы живем с нашими девушками, раздо лучше, чем могут жить идеальные браты и сестры. Мы о женитьбе еще не думаем, потому что мы слишком заняты, и к тому же совместная жизнь с девушками является нашей жизнью». Мы не чувствуем остров половые различия. А если этот вопрос и станет перед нами, его, конечно, разрешим». Да, они его разрешат, и совершенно беззаботно и спокойно. Всегда в своем деле и в своем деле и придется оторваться от общественной жизни—ведь ее жизнь ничего не изменилась—она, ведь, покрепче жизни в коммуне. И от рождения ребенка также и будет много горя. Я имею некоторые сведения о сельско-хозяйственных коммунах—там тоже этот вопрос удачно разрешается.

До сих пор коммунам не акты как хорошо руководить коммунами молодежи. Не выработан еще ясный и четкий формы руководства. Задача ребята, желающие организовать коммуну, не находят достаточной поддержки со стороны комсомольской ячейки. Обо всем этом КСК коммуне делает серьезно придумывается.

Тов. Вель говорит женской части молодежи впасть в денежную зависимость от мужчин, не живущих в коммуне. А я добавляю и говорю: «такой же мораль».

Если хотите построить совместную и светлую жизнь сейчас, телерь, если не хотите жить, как жили ваши отцы и деды, если хотите увидеть ультрореволюционное разрешение вопроса о взаимоотношениях подобных сейчас же,—страйте коммуны рабочей и сельской молодежи.

Александр Дольников

(Завод «Серп и Молот»)

СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА И ЗЕМЛЯ

П. КАПТЕРЕВ

ВСЕ ЗНАЮТ, что на солнце бывают темные пятна.

Как раз в настоящее время на солнце чаще обычного появляются большие пятна, так что в текущем году можно было различить крупнейшие из них даже простым глазом сквозь закопченное стекло.

Солнце представляет из себя раскаленный шар, настолько огромный, что из него света было бы выпущено 1.300.000 тысяч «шариков», как наша земля. Солнце кажется нам небольшим из-за того, что оно очень далеко—159 мил. километров, так что, если бы новорожденный младенец смог отправиться туда на аэроплане, деляя в час 159 мил., в час (без остановок), он прибыл бы на солнце дряхлым старцем—80 с лишним лет.

И все же через такое огромное расстояние солнце грее и оживляет землю своими лучами. Ясно, что оно должно быть чрезвычайно горячим. Действительно, его наружные части раскалены до 6.000°, а глубже, внутри, температура должна быть несправненно выше и измеряется, вероятно, миллиардами градусов. При такой же температуре во внутренних частях солнца газы, из которых делаются солнце, состоят из паров и газов, раскальваемых до определенного свечения.

Темные пятна на сверкающей поверхности солнца были замечены давно. Если последить за ними несколько дней, то можно обнаружить, что они не остаются неподвижными, а передвигаются с востока на запад и через некоторое время исчезают за краем солнечного диска, чтобы через 12—13 дней снова появиться с противоположной стороны.

Таким путем удалось установить, что солнце, подобно земле и другим планетам, вращается около своей оси. Земля тратит на этот оборот 24 часа, солнечные же «сутки» не менее 25 наших суток.

Пятна не посторонние: они появляются и исчезают при тех же самых условиях, что и земля, очень быстро меняют свой вид.

Появляются они обычно не сразу; видно заранее, что в определенном месте зарезает образование пятна, иногда же это образование происходит очень быстро, почти на глазах у наблюдателя.

Некоторые пятна держатся на поверхности солнца очень долгое сколько месяцев: бывали пятна длительностью до полутора лет, обычно же жизнь их заканчивается в 1—2 месяца, а желтые пятна часто живут не больше нескольких дней.

Какова же природа этих солнечных пятен?

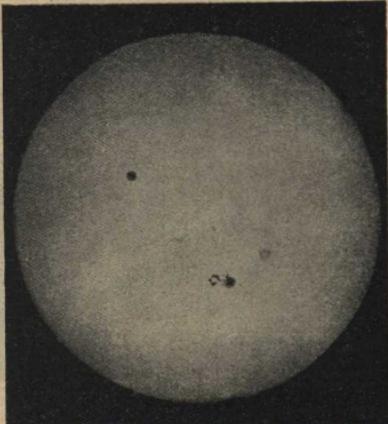
В результате многолетних наблюдений удалось выяснить, что солнечные пятна—это потоки раскаленных паров и газов, поднимавшихся сквозь, из глубоких слоев солнца, и расходившихся в окружающих его слоях. Не нужно при этом представлять себе потоки чем-то, вроде трубы с плотными стенками или дыры в оболочке солнца. Дело в том, что у солнца вообще нет никакой скользкой и гладкой оболочки и нет плотных, устойчивых частей. Поднимаясь из более глубоких слоев солнца, раскаленные пары и газы попадают в места с меньшим давлением, поэтому они расширяются и от этого охлаждаются. Средняя часть пятна, потому и кажется более темной температура которой падает несколько ниже, чем в окружающих частях. Американские измерения последних лет показали, что около пятен температура достигает 6.500°, а температура части пятна—5.330°.

Солнечные пятна представляют из себя, также огромные магниты. Как известно, у всякого магнита два конца—полюса, из которых один называется северным, другой—южным. Если сблизить одинаковые (т.-е. или северные или южные полюсы) концы двух магнитов, они будут взаимно отталкиваться, различные же концы взаимно притягиваются. Последним наблюдением, выяснившим, что крупные солнечные пятна чаще встречаются попарно, при чем одно пятно всегда стоит северным, другое—южным полюсом магнита.

Давно было замечено, что появление больших солнечных пятен не проходит без последствий для земли. В то время, когда такое пятно проходит по средней части солнечного диска и находится, таким образом, всего ближе к земле, на этой последней часто разрастаются так называемые магнитные бури. Магнитные стрелки начинают лихорадочно метаться из стороны в сторону, телеграфные аппараты Морзе принимают стучать сами собой, как будто под действием невидимой руки, и на целый час прекращается международный телеграфное сообщение. В холодах странах, в это же время часто все небо покрывается северным сиянием. Например, во время прохождения по диску солнца огромного пятна в 1892 г., превосходившего по размеру землю в 18 раз, по всей Европе разразилась магнитная буря небывалой силы и вспыхнула великодельное северное сияние, которое было видно даже в Италии, что является огромной редкостью.

Однако, на огромном расстоянии, отделяющем солнце от земли, магнитная сила солнечных пятен не может проявить сколько-нибудь заметного действия и нужно поэтому искать другую причину тому, что одновременно с появлениями больших солнечных пятен, например, что солнечное пятно выбрасывает потоки электрических частиц, тогда как осталась поверхность солнца выбрасывает их гораздо меньше. Эти частицы проникают быстрее всяких снарядов по пространству от солнца до земли и, попадая в земную атмосферу, вызывают свечение разреженных газов, составляющих ее верхние слои. Это явление мы называем северным сиянием. На земле эти частицы вызывают электрические токи, которые и отклоняют магнитные стрелки.

Очень интересные магнитные явления на земле запечатлены приблизительно на две сутки против того, как большое пятно проходит через центральную часть солнечного диска. Полагают, что именно этот

ПЯТНА НА СОЛНЦЕ 20 июля 1908 г. Общая площадь их съединяется 2-х миллиардов кв. верст

промежуток времени и затрачивают электрические частицы на свой путь от солнца до земли.

Уже довольно давно было замечено, что солнечные пятна появляются не совершенно беспорядочно: в некоторые периоды их очень мало, в другие—много. В настоящее время большинство ученых признает, что между двумя максимумами (наибольшее количество) протекает обычно 11 с небольшим лет. Этот срок сближается на всегда точно, иногда он колеблется между 9 и 13 годами, в среднем же все подобные сходятся на 11 годах.

За последние время минимумы были в 1888, 1891, 1901, 1913 и 1923 годах, а максимумы—в 1883, 1893, 1917 и 1926 гг.

Во время минимума, когда наблюдалось мало пятен, солнце как бы успокаивается; во время же максимума оно переживает какие-то бурые потрясения. К сожалению, причин, вызывающие эту смену периодов возбуждения и падения солнечной деятельности, остаются нам неизвестными. Можно только утверждать, что эта смена отражается на земле не только в виде магнитных бур и северных сияний.

Вопрос этот еще является спорным в науке, но приводится указания на связи периодов солнечной деятельности с различными изменениями погоды, грозами, смерчами и ураганами, колебаниями атмосферного давления, колебаниями климата, наводнениями, землетрясениями и даже вулканическими извержениями и... эпидемиями. Годы как минимумы, так особенно максимумы, действительно отмечаются различными непорядочностями погоды и даже стихийными бедствиями, но есть ли тут какая-либо причинная связь и какого рода, остается еще неясным.

Точно так же можно предположить, что и живые существа на земле испытывают то или другое воздействие от усиления или ослабления потока электрических частиц. Но это пока еще вопрос. Это также не перво-главная деятельность. В наше время установлено, что при вском возбуждении нервной системы в ней происходит передвижение заряженных электрическими частиц, при чем в мозгу возникают электро-магнитные волны, тоже, которые употребляются в радио, но только другой длины. Если это так, то естественно предположить, что для нашего мозга и нервной системы не должны проходить бесследно изменения в напряжении земных электромагнитных сил, связанных каким-то образом с солнечными пятнами.

Земля.

Солнце.

Земля.

Солнце.

Земля.

Солнце.

ВВЕРХУ: большое солнечное пятно 1893 г. по сравнению с размерами земли. ВНИЗУ: измененное солнечное пятно с 5-го по 12 декабря 1893 г.

ОТ РЕДАКЦИИ. В ближайшем номере журнала будет помещен очерк «Влияние солнечных пятен на рост деревьев», написанный одним из читателей «Смены» и являющийся результатом его самоличных наблюдений,

ИЗ ТАЙ

Н. ПЛА

ЭТА СТАТЬЯ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ МИТЬ ГОЛОВЫ С ОДНОГО ЖИВОТНОГО ЛОВЦА

чередуются желтые и оранжевые полоски). Известны близарии, составленные не из двух, а трех, четырех даже пяти видов.

Необходимое условие для получения такого сеяния — близкое родство форм, участвующих в смеси (нельзя взять ель, березу и иву — из такой смеси ничего не получится — прививка не удастся).

Как обстоит дело с животными? Организм животного в огромном большинстве случаев значительно сложнее растительного организма. И понятно, что соответствующие операции прививок и пересадок среди животных производить значительно труднее. Но и животными мы уже добились очень и очень многих Начин с простейших случаев.

Пересадка кожи с одного места на другое давно практикуется в медицине для исправления различных дефектов и повреждений кожи. Вырезанный с одного места лоскут кожи переносится на другое там приживается. Иногда при таких операциях могут получаться довольно курьезные вещи. Так, во время европейской войны германский солдату, у которого был отстрелян нос, был привзятый у него же со лба лоскут кожи для формирования нижней части его кончика. При этом лоскут кожи был совершенно отделен от лба, а тольк повернут, так что сохранилась связь нервов любой подкожной мышцы с центральной нервной системой. В результате, когда пересаженная кожа прижилась, благодаря сохранившейся подкожной мышце и ее связи с нервами, солдат по своему желанию поднимать и опускать кончик носа, словно хобот.

Пересаженная кожа может заменить собой различные другие оболочки. Так кусочки кожи пересаживали на легкие вместо плевры, на сердце вместо сердечной сумки. Удалось даже куском кожи заменить у собаки часть наружной оболочки мозга, часть брюшин и т. д. Очень легко производится пересадка кости или костных, которая после пересадки начинает образовывать костную ткань. Удаётся пересадка целых суставов со связками и сухожилиями, пересадка мыши и даже зубов. Последняя операция производится так: зуб выдергивают, очищают его изнутри и спарывают, дезинфицируют, пломбируют и помещают обратно на место; 2-4 недели зуб придерживается с помощью особых приспособлений. Удавалась пересадка зубов и от одного человека к другому. Довольно легко и просто совершаются пересадка различных частей пищеварительного канала. Так, част стенок желудка может быть заменена пересаженными лоскутами толстой кишки. Удавалась и пересадка лоскута из толстой кишки на стенки мочевого пузыря.

Пересадка частей кровеносных сосудов сделана также возможной только после того, как научились сращивать стени сосудов особыми швами. Это открытие дало возможность между прочим, произвести пересадку почки (для работы почки необходимо правильное снабжение ее кровью). Почки пересаживались и в пределы шеи, где почку соединяли с кровеносными сосудами), так

ЛЮТЕР БЭРБАНК, (СПРАВА) — знаменитый американский учёный, достигший при помощи прививки различных растений поразительных результатов и создавший целый ряд новых пород плодов и овощей

МНОГО причудливых образов дала нам фантазия древних. — Лошадь с грудью и головой человека, женщина с животом и ногами льва, женщина с туловищем рыбы. Химера — пестрая смесь частей тела различных животных. А теперь, в наше время? Теперь эти «химеры» понемногу начинают из мира грез и фантазий переходить в жизнь, они воплощаются, становятся фактом. Где? В лаборатории ученого.

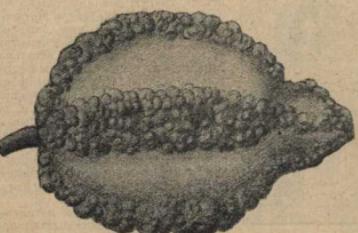
Значит можно — спросите вы — изготавливать в лаборатории ученого такое чудище? Пока что этого мы не умеем еще делать, но, мните, что, право, не уступает в своей причудливости кентавру, уже делают.

Как делают? Здесь только один путь — спращивание частей, взятых из различных организмов, перенесение частей или органов одного животного на другое.

Что кусочек, отрезанный от одного растения и перенесенный на другое, может прижиться на новом месте — это известно многим. Знают о том, что существует «прививка», что «прививают яблони, груши и другие плодовые деревья». Вот вам пример простейшего случая перенесения (или, как говорят ученые, трансплантирования). Прививают какой-либо сорт культурной яблони на дикую — операция идет в пределах вида (яблоня). Нельзя, понятно, прививать яблоню на сосну или березу — слишком различны эти деревья для того, чтобы прижился на них кусочек яблони. Можно на одну и ту же диковинную яблонку привить несколько культурных сортов, и тогда вы с одного дерева можете сорвать — антоновку, анишковое, коричневое, опорту (с разных ветвей, понятно). Но это, ведь, все только яблони. Можно привить на один и тот же дичок яблоню и грушу — смесь получится более пестрая. Путем более сложных операций можно получить и более интересные и сложные смеси. Такие, например, близарии. Это растения, которые соединяют самым различным образом признаки нескольких видов

АППАРАТ ДЛЯ ОЖИВЛЕНИЯ ГОЛОВЫ. С правой стороны сверху бутылка (1) с раствором головы, а снизу стеклянная бутылка (2) с серуменным кислородом. В трубке (3) жидкость насыщается кислородом, переходом в газовую смесь нагревается в сосуде с водой (4) до известной температуры пламенем спиртовой лампочки. Из газовика жидкость течет по трубке (5) и поступает в сердце и голову рыбьи (6); проходя по голове, жидкость стекает в воронку (7). По этой схеме строится аппарат для снабжения кровью, или заменяющей ее жидкостью, любовь изолированного органа или части тела

БИЗЗАРИЯ с чередующимися «сегментами» лимона и апельсина

ЖИЗНИ

ЛЩИКОВ

ЧИТАТЕЛЕЙ О ТОМ, МОЖНО ЛИ ПЕРЕСАЖИТЬ ДРУГОЕ, И МОЖЕТ ЛИ ГОЛОВА ЖИТЬ БЕЗ ТУ-

от одного животного к другому (опыты американского ученого Карреля). Что легко удается пересадка половых желез, достаточно ясно показано многочисленными опытами (см. № 1 «Смены» за 1926 год). Млечные железы можно с успехом пересаживать на другие участки тела. Рибберт, например, пересаживал млечную железу морской свинки с ее нормального места на хвою животного, и железа не только пристала, но и начинала выделять молоко после того, как свинка рожала.

Из приведенных опытов видно, что пересадка органов вполне возможна. Требуется только следующее: восстановление возможно более правильного питания пересаженного органа и предоставление ему возможности нормально работать. При несоблюдении этих условий пересаженный орган «умирает».

Это—пересадка в пределах одного организма. Если же мы пересаживаем орган от одного животного к другому, то успех опыта зависит еще и от сходства химического состава органа с составом тела данного животного. При дальнем родстве, а следовательно—и большой химической разнице, операция часто не удастся (вспомните—нельзя привить на березу яблоню, но яблоню на грушу—можно).

Пока что мы говорили о пересадке неизвестных частей тела—кусков кожи, кусков кровеносных сосудов, кусков стекиши или некоторых органов— почки, половых, млечных желез. А нельзя ли произвести пересадку, т.-е. другими словами, срастить две отдельные большие части тела животного, две разных половины? Оказывается, что иногда и это возможно. Очень легко срастаются части полипов (у нас пресноводной гидры), легко срацаиваются куски земляники червей (можно срастить 2—3 куска, так что получится червь с 2 хвостами или 2 головами). Можно, наконец, срацаивать ча-

СОСТАВНЫЕ ГОЛОВАСТИКИ в разных стадиях развития. Головастики составлены из двух разных пород

сти тела насекомых. Последняя операция производится не над взрослыми насекомыми, а над куколками. Если взять куколки двух разных видов бабочек и разрезать их пополам, то можно из двух разных половинок срастить новую куколку. Выводится бабочка-смесь: перед, например, бабочка-капустница, а зад—бабочка-крапивница.

Такие же опыты делаются над головастиками лягушек; здесь тоже срацаивают половники, взятые от разных видов (от зеленой лягушки и травяной, например). Головастик растет, и мы получаем лягушку—часть зеленую, частью бурую.

У насекомых возможна еще одна чрезвычайно интересная операция, а именно: пересадка голов. Производится эта операция следующим образом: голова осторожно отрезана и переносится на другое насекомое (у него голова, понятно, тоже отрезана), устанавливается на новом месте с таким расчетом, чтобы совпали отрезки нервной системы и кишечника, укрепляется в этом положении тем или другим способом. Если голова не просто «приносится» (бывает и так) на новом месте, а произойдет более или менее полное срастание, то мы увидим много интересных последствий такой пересадки. Начнем с того, что при пересадке головы самки на туловище самца (или наоборот) наблюдается соответствующее изменение поведения животного. Самец, с головой самки, становится по своему поведению «самкой». Если самка данного насекомого обнаруживает какие-либо особенности в связи с заботами о потомстве, то все это немедленно появляется у нашего самца. Туловище самца может не соответствовать новой работе, у него, например, иначе устроены ноги, нет жала, или яйцеклада и т. д., но он все же делает все, что сделала бы «настоящая самка», с той только разницей, что обычно ничего у самца из этих попыток играть роль самки не выходит. Но он очень и очень старается. Самка, которой пересадили голову самца, начинает ухаживать за настоящими самками, делает попытки спариться с ними и т. д., вообще ведет себя как самец. Это при пересадке голов прецедента одного вида. Но мы можем пересадить головы у разных видов, иногда весьма различных по образу жизни. Все вы знаете, что майский жук летает вокруг деревьев, листья которых он ест, и что

навозный жук—ест навоз и держится около навозных кучек. Пересадим им головы, что получится?—Навозный жук носится вокруг березы или дуба, майский лежит в навозную кучу.

Вопрос о пересадке голов у насекомых разработан еще очень слабо, опыты эти начаты всего несколько лет тому назад, но уже из сделанного видно, что с переменой головы меняется все поведение насекомого.

Но все же можно ли пересадить головы у собаки, кошки, а значит, и человека? Этот вопрос чрезвычайно сложен, и сказать здесь «да» или «нет» одинаково трудно. Мы знаем, что отрубленная голова умирает. Можно ли добиться того, чтобы эта голова жила отдельно от туловища? Да. С рыбами это удалось сделать русскому ученыму Куйялову. У него по многу часов жили отрезанные головы рыб. Для этого через голову пропускался ток особой жидкости (сложная смесь раствора разных солей); жидкость эта заменяет кровь. Броун-Секар проделал такой опыт: он отсек голову собаке, долгое время жившей в лаборатории и хорошо знавшей свою кличку. В отсеченной голове было искусственно восстановлено кровообращение (с помощью собачьей крови, снабженной кислородом). Голова не только обнаруживала признаки жизни, открывала и закрывала глаза, она поворачивала глаза в сторону ожилевшего ее по имени. Чего удалось с собакой—возможно и с человеком.

Голова отдельно от туловища—это одно, а голова отрезанная и птица приставленная к туловищу (своему или чужому безразлично)—другое. Здесь возникает масса трудностей: туловище должно снабжать голову кровью; для этого нужно не только срастить кровеносные сосуды тела, но и заставить работать сердце, т.-е. срастить те нервы, что идут от головного мозга в туловище (блуждающие нервы), нужно добиться сращения спинного мозга и т. д. И все это должно произойти очень скоро—ведь, пока сердце не начнет работать, кровь в мозг не попадет; пройдет час, другой—и клетки мозга погибнут.

Из опыта пересадки органов и целых частей тела, из известных нам фактов выживания органов вне тела видно, что части нашего тела обладают огромной жизнью. Но они, эти опыты, показывают нам еще и другое. Часть может жить без целого вне этого целого. Но, правда, при соблюдении одного условия,—если мы создадим для этой части обстановку цели, т.-е. поместим ее в соответствующие условия. Создайте необходимые внешние условия, и у вас на столе будет жить изолированное сердце, голова, палец и т. п. Основные потребности органа должны быть удовлетворены, а как—телом или с помощью различных химических жидкостей, спиртовых горелок, баллонов с кислородом и т. д.—не важно.

ИСКУССТВЕННАЯ ДВОЙНИКОВАЯ ЛЯГУШКА слева головастик, справа—взрослый экземпляр

В следующем номере журнала будет напечатана статья ОБ ОНАНИЗМЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ, в ответ на многочисленные письма в редакцию.

МИРОВАЯ СПАРТАКИАДА ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ОЛИМПИАДЫ

Б. ГРОМОВ

Снимки Д. ИЛЬИНА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СПОРТИНТЕРНА
м. Н. И. ПОДВОЙСКИЙ

В буржуазных странах существует обычай организовывать каждые четыре года так называемые «Олимпийские игры».

Каждая страна из кожи лезет вон, чтобы выставляемая ею на Олимпиаду команда смогла бы защитить честь нации.

В старое царское время и мы послали свои команды на олимпийские игры.

В 1912 году наши спортсмены выезжали в Стокгольм. Но плохо подготовленные они в дым продули все первенства, с честью занимая все последние места.

Последняя Олимпиада была в 1924 г. в Париже. Мы на ней не участвовали, равно как и все секции, примыкающие к Красному Спортинерну. Не участвовали и рабочие спортивные союзы, объединенные в социал-демократический Ли-

В настоящее время мы пробуем договариваться с отдельными странами. В августе с. г. в Лейпциге состоялся всегерманский рабочий спортивный конгресс. Красный Спортинер и Высший Совет Физической Культуры при ВЦИК'е командировали туда свою делегацию, которая выступила с конкретными предложениями—организовать единый спортивный фронт.

Лишились недавно мы получили известие, что под давлением рабочих масс руководителям пришлось уступить и они согласились на организацию русско-германского комитета единства.

Это явится первым шагом к установлению единого рабочего спортивного движения во всем мире.

Буржуазия прекрасно учла, как велико значение об'единения рабочих, хотя бы и на спортивном поприще.

Сейчас за границей хозяева больших предприятий, учреждений, фабрик и заводов на свои деньги обрудуют и строят вблизи места работ жилья рабочих стадионы. На первый взгляд кажется странным откуда у заводчиков такая заботливость о народном здравии?

Присмотритесь поближе и вы поймете, что это сделано с явной целью контролировать свободное время рабочих. Денег не жалеют. Участникам, вступившим в эти организации, бесплатно дают инвентарь, форму и т. д., их отпускают даже раньше с работы. Буржуазия расчленила, на ветер она не кинет и гроша. А если ее трягутся миллионы, то это делается неспроста.

Во Франции существует спортивная организация для детей; работой руково-

дят попы и офицерство. Понятно, что такие «воспитатели» прививают с детства ребенку!

Все в той же Франции членам буржуазных спортивных организаций дается льгота при призыва на военную службу. Новобранец сразу же получает чин каппала.

Вот как умеет буржуазия завлечь в свою цепкие сети рабочего.

Появясь в рабочем спортивном клубе незаурядная величина, показывающая большие достижения в том или ином виде спорта, буржуазия организация примет все меры, чтобы перетянуть его к себе.

Участнику предложат такую службу, на которую можно не ходить, но где пласти огромное жалование. Под видом прозвоз ему дадут возможность хорошо заработать.

Так вот поступили и с известным финским бегуном Нурум, которого прозвали «человек-машина» за то, что он в течение одного дня смог установить на Парижской Олимпиаде два мировых рекорда в беге на 1500 и 5000 метров. Нурум был простым скромным рабочим до тех пор, пока на его спортивные успехи не обратили внимания буржуазные тренеры.

Тогда его взяли в оборот, вытащили из рабочей организации, посадили на огромное жалование и заставили бегать во славу «финской нации». Больше того, малярская Финляндия, тщетно пытавшаяся под занять у американского дядюшки, но получавшая все время отказы, после большого спортивного туризма Нурум по Соединенным Штатам, добилась миллиардного займа. Нурум поставил памятник на главной площади в Гельсинфорсе, изразив его в виде бегущего Меркурия.

Конечно, такой рабочий, который попал в буржуазную организацию, уже отился от своего класса. Его так искусно обработают, что в недалеком времени он будет врагом рабочих.

Сейчас по всему миру идет спортивная лихорадка: буржуазия готовится к предстоящим в 1928 г. «Олимпийским играм» в Амстердаме (Голландия). Духом

германский Интернационал. Они устроили свою рабочую Олимпиаду в Германии, во Франкфурте на Майне. Несмотря на рецессии, которые вынуждали отдельными рабочими спортивными организациями, целями союзами и даже странами (Финляндия, Латвия, Швейцария, от части Германия) допускения СССР на Олимпиаду, вожди Люцерна, боясь потерять свое влияние, всеми силами воспротивились этому и сошли наш приезд.

Какие шаги Красный Спортинер ни предпринимает, чтобы установить единый спортивный рабочий фронт—все попытки до сих пор не удавались по вине верхушки Люцернского Интернационального об'единения.

СЛЕВА: РАБОЧАЯ ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА ГЕРМАНИИ, пребывавшая летом прошлого года в Москве на соревнованиях

СПРАВА ВНИЗУ: ЛЕГКО-АТЛЕТЫ ГЕРМАНИИ В МОСКВЕ: Финал бега на 100 метров. Первый—Поддесецкий (Москва), второй—Вернер (Германский рабочий союз), третий—Громов (Москва)

утяжеленного национализма проникнута вся эта кампания.

Каждая «нация» борется за получение господства на спортивном фронте.

К предстоящим состязаниям ведутся усиленные подготовительные работы; устраиваются своего рода маневры—смотрят в виде первенств той или иной страны.

Конечно, подготовка к Олимпиаде требует большого напряжения. Отобранная команда из лучших спортсменов данной страны снимается с работы еще за год до Олимпиады и поступает на полное изгнание государства.

В Америке уже сейчас по подписке собрано 208.739 долларов. Все участники Олимпиады должны пройти вместе 15-месячную тренировку.

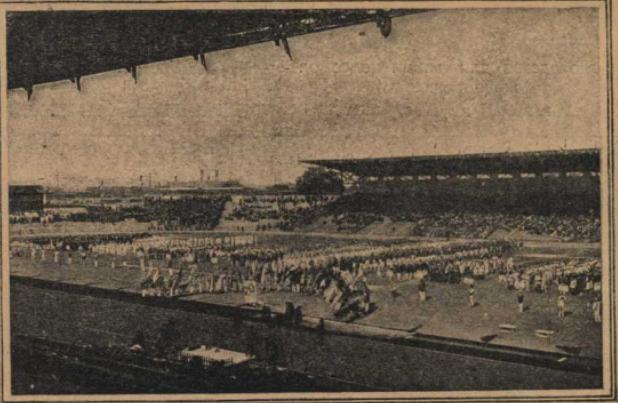
В Великобритании правительство потребовало на подготовку 200.000 фунтов стерлингов. И сейчас же 30 государственных учреждений успешно согласились распределить между собою всю сумму.

В Финляндии правительство ассигновало 600.000 марок, в Швеции—80.000 крон. Даже маленькая Швейцария и та дает 440.000 франков.

ВПРАВО: СПОРТИНГЕРН НА ОБЩЕСТВЕННОЙ РАБОТЕ—учрежение знамени спортивчайке, собравшее в 1923 году большие суммы в пользу голодающих

ВНИЗУ: ВСТРЕЧА КОМАНДЫ МОСКВЫ СО СВОРЬЮ РАБОЧЕЙ КОМАНДЫ НОРВЕГИИ. Момент прорыва москвичей к воротам Норвегии

Ходилки

ВВЕРХУ: МИРОВАЯ ОЛИМПИАДА 1924 ГОДА В ПАРИЖЕ. Парк участников. Поэтому снимку мы можем судить о колоссальных размерах тадиона, емкостью до 500.000 человек, специально построенным для этой Олимпиады

В Франции планируется наградить победителей Олимпиады специальным орденом чести.

В Голландии собрано уже 2 миллиона гульденов, кроме того, организуется специальная лотерея Олимпиады.

Венгрия выпустила особые спортивно-гимнастические обязательства на 800.000 крон и т. д.

Эти цифры говорят, как «снаряжается» буржуазия.

В противовес буржуазной Олимпиаде, мы в том же году устраиваем в Москве всемирную рабочую Спартакиаду, на которую с'едутся лучшие силы пролетариата.

Мы должны также немедля начать подготовку.

Для успешного проведения спартакиады нужен громадный стадион. К его постройке надо приступить немедленно.

Пролетарское спортивное движение должно сконцентрировать свои силы.

Мировая Спартакиада—против буржуазной Олимпиады!

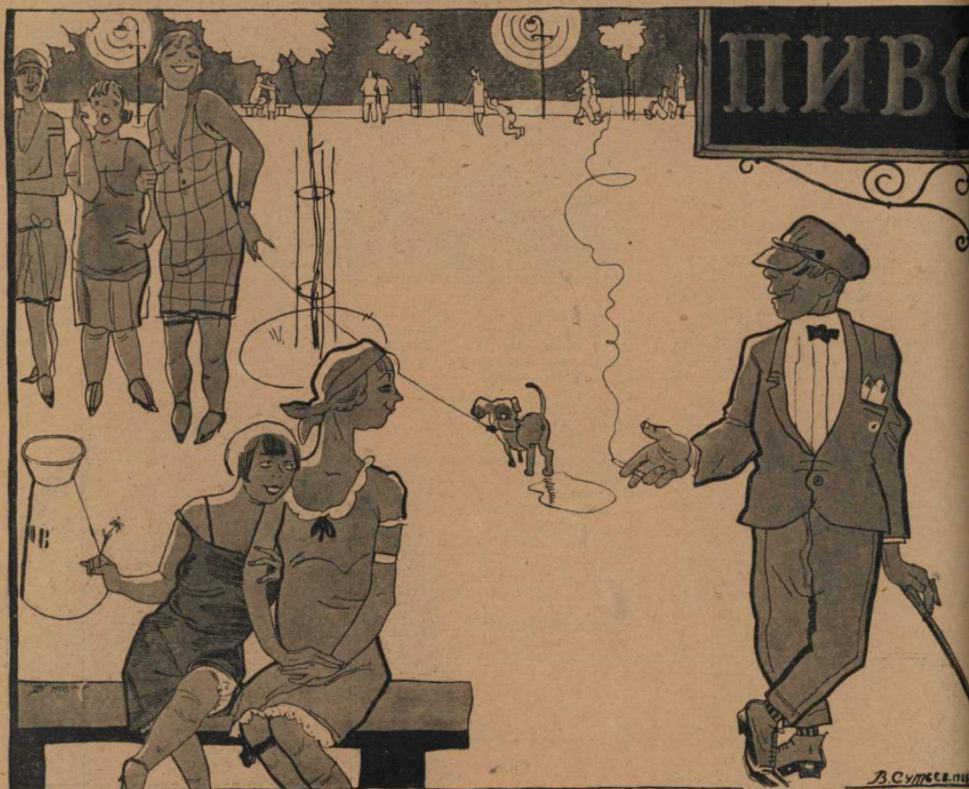
МОДА

(РУКОВОДСТВО ДЛЯ ДЕНДИ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЗРАСТА).

Р. РОМАН. Рисунок СУТЕЕВА

подЗатыльник

ПИВО

... Вот как ботинки «шнурмы» соединяют любящее сердце!...

ВСТУПЛЕНИЕ

ОДИН несознательный человек сказал: что такое мода? — Да-вилизм. Она доказывает, что человек происходит от обезьяны.

Уважаемые товарищи, пренебречите этим несознательным человеком и поверите, что мода — как скамейка — она открывает человеческие сердца. В самом деле, разве вам не приходилось наблюдать, как брошки «доло» делают человека скептером треста, как роговые очки придают человеку вес и активность или как ботинки «шнурмы» соединяют любящие сердца?

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОДЫ

Мода существовала еще в незапамятные времена и даже в недавно найденном окаменелом мозгу доисторического человека обнаружена извилина моды.

Мода в те времена была довольно примитивной, но она все-таки существовала, и если какая-нибудь девушка-пренебрежительный доисторический медик продевал в ноздри берцовая kostь из хитозавра и завтракал филеем, вырезанным из любими тетки, то на следующий день все его единоп-

леменники следовали его примеру громадным рабием и прислуживанием.

С течением времени мода усовершенствовалась, хитозавры были изведены до конца, любимые тетки стали под защиту закона, мода усложнилась и стала утонченнее.

Однако, мода отнюдь не собирается умирать. Были даже мужчины моды. Так, например, египетская царица Клеопатра ввела обычай завтракать жемчужинами, растворенными в уксусе. Было очень кисло и мало питательно, но зато модно...

На настоящее время мода создается самой буржуазией, а специальным аппаратом. Буржуазия является в настоящее время даже страдальцем лицом. В самом деле, как кто пожалеть жену какого-нибудь фабриканта, которой шишавят в веки реинции из конского хвоста или сдвигают заживо кожу, чтобы заменить ее пороссячей.

Моду в настоящее время создают так называемые «окрики любви» (певониин простиутки). Париж — вот мировой центр моды, и великолепные парижские простиутки — глашатаи ее.

2. ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА МОДЫ

1. Женщина, плюю на свое тело-сложение. Если существует мода на короткие юбки, так обнажуй свой кривые и толстые ноги без страха и сомнения.

2. Плюнь, женщина, на природу — она дура. Крась свою губы в яркие и радостные цвета. Пусть пугаются лошади — скоро они будут заменены автомобилими, и ты будешь, таким образом, впереди прогресса.

3. Крась свою шею, женщина, — не является ли их густой штукатуренный вид прообразом нашего строительства.

4. Не обращай внимания на чистоту шен, на эти никакой моды не существует. Но следи за тем, чтобы пудра не сходила с твоего носа.

5. Пусть смекнется над твоими худыми обнаженными плечами. Будь горда «сознанием, что твое декольте на миллиметр не меньше, чем у подруги из любого западно-европейского публичного дома».

6. Пусть ты не будешь в состоянии двигаться в модной юбке — мода вовсе не должна приспособливаться к таким прозаическим вещам, как удобство или неудобство одежды.

3. ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА МОДЫ

1. Лучше носить модные брюки, чем чистые носки, так как запах чистых носков лишь в близи, а фасон брюк уводит вас.

2. Для того, чтобы быть красивым, следует страдать. Смело надевай и застарелые морозные морозные ботинки и при этом улыбайся так, как будто в этих ботинках родился.

3. Близорукость, как и все в мире относительны. Никто не интересуется номером твоих роговых очков. Но если линзы твоих от природы глуго-роговых очков придали тебе подостающий ум.

4. Курчаликим ты можешь и не быть, иметь же трубку ты обязан.

5. Изысканность в одежде вовсе не влияет на рост наличности кассы твоего учреждения. Наличность может и уменьшиться. Это твое частное дело.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это краткое руководство называет лишь основные вехи, оно не претендует на исчерпывающую полноту. Надеюсь, что сами модники сумеют дополнить это руководство. Я буду им только благ-варен.